

ВИКТОРИЯ ПАВЛОВА

РОЖДЕ́ННЫЕ
ВОДОЙ

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ

Виктория Павлова
Рождённые водой

«Автор»

2023

Павлова В.

Рождённые водой / В. Павлова — «Автор», 2023

На тихом озере пропадает семья. Почти рядовое происшествие оказывается частью цепи таинственных событий. В соседнем городке Сейнт Игнас горят дома, а люди исчезают или убивают себя. Охотник на чудовищ Дэшфорд Холландер приезжает на озеро, чтобы уничтожить зло, но выясняет, что помощь нужна вовсе не жителям города. Эта история о ненависти, которая разрушает судьбы, и о любви, которая появляется даже там, где по всем законам природы ее быть не должно.

© Павлова В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Прелюдия. 1978 год	6
Пролог	9
Глава 1. Три могилы и кольцо	13
Глава 2. Раз, два, три, чудовище, выходи!	20
Глава 3. Не приезжайте в маленькие города	24
Глава 4. Контрасты	32
Глава 5. Кошмары и прочие обитатели дома	40
Глава 6. Секрет жизни	47
Глава 7. Из глубин	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Виктория Павлова

Рождённые водой

Прелюдия. 1978 год

Полупогружная нефтеразведочная платформа «Сэдко 135» в Мексиканском заливе

Платформа «Сэдко 135» двигалась по водам залива, пожирая каждый километр по двести тридцать пять литров горючего. Буровое судно геологоразведки «Проспектер» как и положено шло в кильватере в пяти кабельтовых. Они переходили на более богатое месторождение, а компания «Петрол Плюс» и ее акционеры ждали миллионную прибыль.

Еще утром на ходовом мостике капитан платформы принял доклады от команды. Штурман сообщил, что судно идет по графику, а метеообстановка в норме. Механик доложил, что в машинном отделении поломок нет, рулевой отрапортовал об отличной видимости. Всё предвещало прекрасный день, но сердце капитана ныло, несмотря на все доклады, а сознание било тревогу. Интуиция не раз выручала его в сложных ситуациях и сейчас та самая морская чуйка кричала – опасность!

Капитан не мог расслабиться и наслаждаться погожим днем. В попытке отвлечься он взял бинокль, чтобы убедиться: на море все по-прежнему спокойно, на небе ни единого облачка, а над водной гладью безмятежно парят чайки. От наблюдения за идиллическим пейзажем его отвлек голос рулевого.

– Сэр, «Проспектер» лег в дрейф.

– Уверены? – уточнил капитан.

– Пятнадцать минут назад он замедлил ход, а сейчас совсем встал.

«Вот и началось», – мелькнуло в голове капитана. Он прошелся по мостику туда и обратно, точно зная, что шагов будет ровно двадцать. Этот ритуал всегда помогал ему сосредоточиться.

– Вызовите их.

За долгие годы совместной работы радист научился понимать своего капитана с полуслова.

– Есть, сэр. Внимание, внимание, «Проспектер»! Это «Сэдко 135». Подтвердите прием сигнала.

«Проспектер» молчал. Радист собирался вызвать судно еще раз, но тут рация ожила и выдала звук, похожий на человеческий вой. Через секунду канал забился помехами, а потом связь оборвалась.

Радист и капитан переглянулись.

– Внимание, внимание, «Проспектер»! – повторил радист, снова нажимая кнопку вызова. – Это «Сэдко 135». Повторите сообщение. Неполадки со связью.

В этот раз ответа не последовало, и радист встревоженно посмотрел на капитана.

– Еще раз, – скомандовал тот.

Радист проверил настройки и частоту и вызвал буровое судно:

– Внимание, внимание, «Проспектер»! Это «Сэдко 135». Прошу, откликнитесь, если слышите нас. – Рация молчала, и радист предположил: – Возможно, у них проблемы с радиосвязью?

– Пресвятая Дева, защити от демонов моря, – перекрестился капитан и приказал: – Сообщите о проблеме на сушу и держите меня в курсе.

Он взял бинокль и вышел на палубу.

Безоблачное небо и ясная погода не помогли разглядеть буровое судно даже в бинокль. Капитана тревожило что-то еще. Что-то случилось, нарушилось привычное течение вещей. И тут он понял – под ногами больше нет вибрации. Моторы встали!

Он быстро вернулся на мостик.

– Соедините с машинным отделением!

Радист, видя беспокойство капитана, кинулся выполнять приказ, но на вызов никто не ответил. Капитан быстро вывел на монитор изображения с камер видеонаблюдения.

Переключаясь с камеры на камеру, капитан осмотрел все отсеки, однако на экране отображались только пустые помещения, а работники платформы как будто исчезли. Капитан отметил в бортовом журнале время, стараясь, чтобы окружающие не заметили, как у него дрожат руки, попросил радиста передать на берег информацию о проблемах и включил сигнал тревоги, предписывающий всем незанятым собраться в центральной точке платформы перед ходовым мостиком.

Ожидая сбора команды, капитан попытался связаться со старпомом, но теперь молчал и он. Внезапно на одной из внешних камер он заметил движение: один из инженеров колотил другого гаечным ключом, но тот извернулся и всадил коллеге нож в бок. Темная кровь брызнула на светлую палубу, а оба сотрудника бездыханно упали. Все на мостике оцепенели, неожиданно кто-то в ужасе переключил камеру. Капитан увидел, как работяга глотает горячее прямо из шланга. Не в силах поверить в реальность происходящего, он перевел взгляд: на камере, смотрящей на трап между палубами, сотрудники в оранжевых робах один за другим перелезали через релинг и прыгали в воду.

Капитан велел радисту передать на сушу сигнал бедствия, подбежал к двери на палубу и задвинул щеколду. Он вполне вероятно бы поседел, но ему суждено было прожить еще всего лишь пятнадцать минут. Радист панически докладывал обстановку боссам на берегу, но они ничем не могли помочь. Капитан воззвал к Пресвятой Деве, прося ее заступничества, в надежде избежать неведомой беды. Беда не отражалась на камерах, не поддавалась объяснению и путала мысли. Все на мостике затаились в тягостном ожидании.

За окном мелькнуло движение. Кто-то из команды все же пришел. Капитан узнал техника с третьей палубы, облегченно выдохнул и собирался открыть дверь, но не успел. Техник подошел к стеклу с той стороны и разбил его гаечным ключом, затем подобрал осколок и перерезал себе горло.

Полилась чистая прекрасная песня, делающая все прочее неважным. Мелодия, сотканная из шороха волн, накатывающих на камни, крика чаек и заманчивого зова глубины, окутала сознание всех на борту, как густой туман, отрезала их от мира.

Капитан бросился к входной двери, распахнул ее и застыл на пороге, игнорируя шум и крики, впитывая мелодию из разрозненных нот смерти и безумия. Она звучала все громче и настойчивее, обрывая одну за другой родственные связи, отнимая душу по кусочку: опыт морехода, воспоминания о семейных праздниках, милые сердцу мелочи, любовь к детям, супруге и родителям, к самой жизни. Все погружалось в туман, таяло, словно соль на языке, оставалась только эта мучительно чарующая мелодия, состоящая из шепота моря и ветра. Каждая нота манила, словно мерцающие маяки в ночи, и отнимала силу к сопротивлению. Чувства уступали место безмолвной преданности чарующей песне.

Радист вогнал себе в глаз карандаш, оператор выбежал из рубки и бросился с платформы в воду, матрос оставил штурвал и начал биться головой о металлическую панель управления, а капитан подобрал осколок стекла у двери. Отличное решение! Ведь он только что видел, как эффективно это сработало. Наслаждаясь песней, он перерезал себе горло.

На нефтеразведочной платформе и буровом судне находилось шестьдесят восемь человек. Выжить в тот день удалось только пятерым. Сменные рабочие крепко спали в своих каютах.

Компания потеряла два экипажа, расследование инцидента продолжалось, однако работы по добыче нефти не останавливались ни на минуту. Крупные страны озадачились вопросами стратегических нефтяных запасов – добыча росла по экспоненте: требовалось больше буровых, больше экспедиций, больше грузовых судов.

Через год в Кампече из-за крупнейшей в истории Мексиканского залива аварии в воду выльется 460 тысяч тонн сырой нефти. Ликвидация последствий займет год. Утечка нефти приведет к увеличению смертности в сотни раз среди китообразных и массовой гибели растений; вымрут практически все улитки и другие беспозвоночные животные. В зоне бедствия окажется несколько тысяч морских черепах. Пострадают и дельфины, и популяция других существ, которым придется покинуть дом в заливе, а нефтяная компания скроет следы их присутствия.

Пролог

*Большая часть нашей жизни уходит на ошибки
и дурные поступки; значительная часть
протекает в бездействии, и почти всегда вся
жизнь в том, что мы делаем не то, что надо.
Луций Анней Сенека*

июль 2014

Нелепо ехать навстречу своей гибели. Еще и выжимать газ, скорей, скорей. Опасность преследовала и ждала впереди, но мы пытались обмануть смерть, стремясь все дальше и дальше на юг, к большой воде.

Старенький черный «Форд Эксплорер» натужно рычал при ускорении, в коробке передач что-то стучало и било. И где-то под днищем тоже. По пути шину спускало уже два раза, и Дэш останавливался, подкачивал колеса или копался под капотом, чинил и чинил колымагу. Приметный черный пикап давно следовало поменять, но Дэш слишком любил эту машину.

Он забирался за руль, заводил мотор, а потом поворачивался ко мне и говорил:

– Держись, малышка. – Вытирал тряпкой грязные руки, но чище они не становились, улыбался, и темные от пыли морщинки бежали вокруг рта и от глаз. – Потерпишь еще пару дней?

Будто у меня был выбор? По пути мы держались от воды подальше, чтобы нас не выследили, но времени оставалось все меньше – мне становилось хуже. Кожу по всему телу саднило, она покраснела и начала шелушиться там, где с ней соприкасалась одежда. Вода из бутылок дарила облегчение лишь на несколько минут, а потом все начиналось сначала. Мой недуг не вылечат никакие лекарства мира, поможет лишь безграничная и бескрайняя вода.

– Когда-нибудь мы с тобой махнем в Юту на Большое Соленое озеро. Или на Окичоби. Оно мелкое, зато пресное. Тебе там нравилось, да? Только потерпеть надо. – Дэш выжимал педаль газа, «Форд» начинал рычать и трястись, и тогда Дэш снижал скорость. – Куда ты хочешь?

– Туда, где нас не найдут, – стонала я.

В горле было сухо, как в воздухе Аризоны, голос шипел и хрипел, будто я какая-нибудь простуженная ящерица. Кожа на руках сохла и трескалась. Казалось, внутри так же сохнут и трескаются сердце, желудок, легкие. Сколько еще я выдержу?

– Ты только не вздумай умирать, – говорил Дэш нарочито бодрым голосом. – Осталась пара дней, и мы у Мексиканского залива. Еще поборемся. Хотя ты такая худенькая, где только силы возьмешь. Сначала пообедаем...

Дэш всегда заботился обо мне, но иногда его забота походила на издевательство, как сейчас. Да, он хотел как лучше, но злость внутри меня росла вместе с болью. Я понимала, что деваться некуда. Он знал, как выживать, когда на тебя ведут охоту, и для спокойствия этого хватало, хотя мучительная ломота во всем теле сводила с ума, а внутри будто орудовала стая пираний, медленно пожирающих тело. Впрочем, боль означала, что я еще жива, а нас не поймали.

Мы молчали, провожая в окне солончаки и холмы. Дэш дергался, смотрел в зеркала заднего вида, на часы и на меня. Нервно мне подмигивал и снова проверял зеркала. Путь из Монтаны в Техас через Колорадо и Нью-Мексико – красная глина, редкая трава, невысокие горы на горизонте – тянулся и тянулся. Пока к грамам тоже нельзя, там есть озера.

– Так, значит, я остановился на истории с шерифом Пеннебейкер...

Дэш любил вспомнить прошлое, пока чистил ремингтон или затачивал балисонг, но особенно – за рулем. Рассказывал все, что приходило ему в голову, скучное или смешное, страшное или обнадеживающее. Отвлекал от боли.

– На шерифе же, да? И на ее попытке меня убить. – Он бесцеремонно тыкал в меня пальцем, побуждая не спать, хотя пелена перед глазами больше походила на обморок.

Да черт побери, Дэш, отстань!

– Я уже тоже мечтаю тебя убить...

– А машину кто поведет? – усмехался Дэш. – Пойми, так надо, мы должны успеть. Если сейчас поедem к воде, мои кухни найдут нас через... – он молчал, прикидывая, – ...пару часов. А нам нужно больше времени. Нас ведь ждет кое-кто очень важный, правильно? Она не простит мне, если с тобой что-нибудь случится. Да я сам себе не прошу.

Голос Дэша то терялся в сухом воздухе, то рассеивался в трещинах, что разбегались по телу, застревал в них, плутал в тумане вместе со мной, затихал, пока наплывала темнота. Мне нужно продержаться до большой воды. Там назначена встреча, которую я ждала много лет...

...Гудок разорвал сухую тишину. Меня качнуло на сиденье. Сердце забилося от испуга, отчаянно проталкивая вязкую кровь. Нас подрезал старенький «Сабурбан», еще раз просигналил и дал по газам.

– Машину водить научись! – крикнул Дэш, повернулся ко мне, и в серо-стальном взгляде вспыхнуло понимание. – Не паникуй, это не за нами. Просто туристы...

Нас вынудили покинуть дом, искали, отслеживали, выманивали. Мы ждали нападения в каждой закуской, где останавливались, в каждом мотеле посреди пустыни, но Дэш умудрялся сохранять ясную голову и поддерживал разговорами. Силы были неравны: если выследят, живыми нам не выбраться, по крайней мере – мне. Страшно, но куда страшнее умереть прямо сейчас от сухой знойной бездны внутри.

– Я слышал об одной технике, – прорезался в моем измученном сознании хриплый голос Дэша, – говорят, она помогает мыслить в позитивном ключе. Представь, что вы уже встретились и все хорошо.

– Тупая техника... Если продолжишь в таком же духе, я сама сдамся твоим кухням.

– Ха! – восклицал Дэш и подгонял машину дальше на юг. – Так вот, о шерифе! Наповал меня сразу должно было сразить ее имя. Клара! Ты вообще встречала людей с таким нелепым именем?

Я пыталась сосредоточиться на имени, но вместо этого в памяти всплывали наши брошенные впопыхах вещи и торопливый отъезд. Оставлять дом детства и привычную жизнь оказалось больно. Почти так же больно, как пытаться не умереть от всепоглощающей сухой муки. Дэш убеждал, что мы успеем, что не надо бояться, но разве он всемогущ?

– Слушай, по поводу кольца, – донесся голос. – Если мы так и не разберемся, откуда оно взялось, я его уничтожу.

От испуга прояснилось в голове:

– С ума сошел! Оно же тебя защищает!

– Если оно попадет в чужие руки, малыш, это рискованно...

– Не попадет! Оно тебе нужно! Не смей!

– Ладно, тогда обещай мне, что, если со мной что-нибудь случится, – осторожно произнес Дэш, – ты его уничтожишь.

– Заткнись, Дэш... Заткнись уже, а? Ну почему ты всегда так... – У меня заканчивались силы, даже на возмущение не хватало. Иногда Дэш меня бесил. Вот как сейчас. И раздражал словно еще одна моя боль.

Тыльная сторона ладоней походила на почву за окном машины: сплошные трещины и разломы. Мне грезилась вода – капли на пальцах, журчание ручья, рокот волны, но лишь горя-

чий пыльный ветер обжигал лицо и растягивал каждое мгновение на вечность. Я справлюсь. Благодаря Дэшу. Приручу боль, смогу с ней жить, продержусь еще немного, и еще.

– Не спать! – Дэш снова тыкал в меня рукой и грозил пальцем. – Терпеть! Смотри-ка, а вот и мои кузины!

Как они так быстро нас нашли?!

От испуга сердце забилось чаще, а туманная пелена перед глазами рассеялась.

Позади – пустая дорога, впереди – асфальт зыбко дрожал в жарком мареве суховея.

– Идиот!

Дэш подмигнул и хитро улыбнулся. Ну что за человек!

Испуг зарядил адреналином на полчаса. Дэшу следует завязывать с такими шутками: доверие – тонкая материя, его легко утратить. Ты доверяешь тем, перед кем беззащитен, и когда они подводят – не принимают тебя таким, какой ты есть, или просто исчезают из твоей жизни, – все рассыпается в пыль.

– Ну-ка расскажи, что будешь делать, когда доберемся до Мексиканского залива?

Иди к черту, Дэш! Сейчас получалось думать только о мучительной жажде, которая разрывала тело и истощала душу. Язык присох к опухшему горлу, и с трудом получилось выдавить какой-то невнятный стон. Дэшу и того хватило: он воспринял это как мою готовность к диалогу и после очередного проговаривания плана снова начал рассказывать о шерифе.

Его голос помогал держаться на плаву, именно голос, а не слова, потому что эта история звучала уже много раз и отпечаталась во мне каждым чувством, стала моей историей. Иногда Дэш рассказывал о себе, как о ком-то другом, будто удивляясь тому незнакомцу.

– Так вот, первый раз мы встретились в бакалейной лавке. Погоди... или на улице перед лавкой? А я тебе говорил, как мастерски она умела лгать? Не подкопаешься. И улики подчищала.

История, которую он рассказывал, была довольно нервной, и не так сильно мне нравилась, как другая, которая шла после – о бесконечных водных просторах и исполнении желаний. Сейчас, когда мое тело казалось сотканным из боли, воспоминания стали необходимостью, спасая от мучений и погружая в другую жизнь.

Машина резко остановилась, выдернув из туманной мучительной полудремы, и вернула к реальности. За окном все еще не плескалась вода, только иссушенный песок лежал на обочине, да мелкая пыль танцевала на ветру.

– Спокойно, не волнуйся. Все будет хорошо. – Дэш напряженно сжал руль и нахмурился. В зеркале заднего вида я заметила полицейского. Он шел к нам.

Дьявол! Нас остановил патруль!

Это обычная проверка на дороге или наводка?

– Не нервничай. Сиди спокойно. Ничего не делай. – Во взгляде Дэша вспыхнула настороженность и тревога. – Слышишь? Ничего не делай! Я справлюсь.

– Права и документы, пожалуйста.

Решительный голос ворвался в салон, разрушая образы в моей голове и вызывая неприязнь. Хотелось, чтобы он замолк, никогда больше не звучал, чтобы его владелец провалился сквозь землю и не вредил Дэшу, сгинул без следа, мерзкое чудовище!

– Пожалуйста, офицер. – Дэш протянул полицейскому документы и тут же повернулся ко мне. – Все хорошо. Смотри на меня!

Да чтоб ты провалился, Дэш! Серо-стальные глаза просветили меня рентгеном и удержали на сиденье, хотя инстинкт велел сорваться с места и прикончить тех, кто нам помешал. Возможно, после мне даже станет легче, и я выдержу еще два дня до Мексиканского залива.

– Мистер Холландер, прошу вас выйти. – Полицейский отступил на шаг, давая возможность открыть дверь. Из патрульной машины вышел его напарник.

Дэш аж зашипел от досады.

– Если попросят выйти и тебя, выходи спокойно, – тихо произнес он, повернувшись ко мне. – Не спорь, не сопротивляйся и не кричи. Договорились? Это обычный дорожный патруль.

А если нет?

– Мистер Холландер! – настаивал полицейский.

Дэш подчинился и открыл дверь, держа руки на виду, потом медленно вышел. Мне все это не нравилось, совершенно не нравилось. Полицейский расспрашивал откуда мы едем и куда, Дэш спокойно отвечал. Его волосы с проседью на ярком солнечном свете казались еще белее, а сам он изо всех сил прикидывался законопослушным гражданином.

Встреча походила на наводку. Можно быстро избавиться от полиции, вот только Дэш велел ничего не делать.

Полицейскому не понравился какой-то ответ Дэша, он потребовал подробности, расспрашивая резко и назойливо. Его напарник стоял у нашей машины с моей стороны и держал руку на кобуре.

– Повернитесь! Положите руки на капот! – скомандовал полицейский.

За секунду Дэш оказался распластан на капоте. Один офицер держал его под прицелом, а второй обыскивал.

Во мне вспыхнуло яростное желание прекратить безобразие. Всего-то нужно произнести пару слов.

В глазах Дэша, устремленных на меня сквозь пыльное лобовое стекло, застыл страх. Он боялся не полицейских, он боялся за них. Его губы шевелились, беззвучно произнося:

– Не надо. Стой.

Прости, Дэш, но все же я вмешаюсь. Не хочу, чтобы тебя пристрелили.

– Прошу вас покинуть машину! – произнес второй полицейский, наводя оружие на меня. С удовольствием! Моя рука потянулась к двери.

Глава 1. Три могилы и кольцо

*Чтобы вынести историю
собственной жизни, каждый
добавляет к ней немножко легенд.
Марсель Жуандо*

Эта история началась задолго до нашей с Дэшем встречи. Наверное, с того самого события в Мексиканском заливе в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году, когда на буровой погибло шестьдесят три человека. События порождали последствия и меняли судьбы. Мы с Дэшем встретились позже, сильно позже, но все же я – часть истории, а она – часть меня.

Я постараюсь изложить ее лучше, чем сделал это Дэш. Рассказчик из него получился откровенный: он все время сбивался, перескакивал с мысли на мысль, менял детали на ходу или придумывал новые. Мы по несколько раз обсуждали одно и то же, а потом вдруг оказывалось, что самое важное он так и не рассказал. Возможно, я тоже что-то напутала, но обязательно доберусь до финала, ведь проживая чужую жизнь, я не сойду с ума от своей.

С чего же все началось? Какую точку назначить точкой отсчета? День нашей встречи? Пожалуй, все началось, когда Дэш приехал на озеро Бреворт...

Октябрь 1999

Дэш приехал на озеро Бреворт, чтобы арендовать дом Ривердейлов на старой дороге, чуть в стороне от Сейнт Игнаса. Осень в том году выдалась теплая, городок утопал в зелени, а озеро – в птичьем шуме.

После событий девятилетней давности репутация у дома была хуже некуда, покупателей на него не находилось даже по сниженной цене. Конечно, кто захочет жить в доме, в котором погибла целая семья. Разыскать риелтора оказалось сложно: в местных агентствах недвижимости сбыть этот неликвид уже давно отчаялись. Первые десять минут разговора по телефону риелтор явно подозревал розыгрыш и отвечал осторожно. Лишь убедившись, что это не шутка, рассказал, что земля принадлежит банку, а дом в очень плохом состоянии, и его уже давно не пытаются сдать или продать, а ищут инвестора для новой застройки, но пока участком никто не заинтересовался. Намерение поселиться в таком месте и оформить договор аренды вызвали у него искреннее удивление.

Дэш приехал задолго до назначенного времени, оставил новенький «Форд Эксплорер» на заросшей подъездной дорожке, выпустил на прогулку пса, золотистого ретривера Кэпа, надел наушники, включил погромче радио и бегло осмотрел окрестности. На лужайке – кривые пеньки, кучи мусора, прикрытые брезентом, пара разбитых деревянных лавочек, трава по пояс да сарайчик сбоку. Сам дом – первый этаж из оцилиндрованного бревна, второй из клееного бруса – давно пережил годы расцвета. Он пялился слепыми окнами на озеро, пряча в тени деревьев дыры на крыше и выбитые стекла. В нем почти наверняка завелись древесные жучки, белки да еноты. Проблема с питьевой водой, скорее всего, тоже возникнет, вряд ли колодец все это время кто-нибудь чистил. Пустующее строение потихоньку гнило от влажности и разваливалось.

Состояние жилища Дэша не волновало, иногда ночевать приходилось и в более убогих пристанищах, а вот близость воды нервировала. Дэш обошел дом, аккуратно ступая по влажным доскам круговой веранды без стекол, и вышел к причалу. К нему вела лестница, но Дэш спускаться не стал. Он застыл, изучая окрестности.

Озеро числилось основной достопримечательностью округа Солано и когда-то выступало центром цивилизации для ближайших городков. Сюда приезжали купаться, ловить рыбу, кататься на катерах и байдарках, охотиться на птиц, устраивать свидания и свадьбы, но в последние несколько лет место утратило популярность, а городок Сейнт Игнас, раскинувшийся вдоль берега, – население две тысячи восемьдесят человек, – потерял привлекательность. Всему виной стала череда таинственных событий вокруг озера, официально ничего так и не признали, упоминали скупно, одной строкой. Такую лаконичность восполняли байки местных сплетников. Дэш почитал криминальную сводку округа и остался под впечатлением. Озеро Бреворт однозначно хранило секреты.

Дэша напугало движение сбоку – он вздрогнул. Риелтор дежурно улыбался и беззвучно открывал рот. Дэш торопливо стащил наушники и услышал:

– ...тер Холландер, полагаю?

– Очень рад знакомству.

– А я-то как рад! – воскликнул риелтор, с энтузиазмом пожимая руку.

Он слегка запыхался – наверняка уже обошёл участок. Выглядел он немного разочарованным. Дэш предположил, что не произвёл на него впечатления: возможно, риелтор ожидал увидеть городского прощельгу, ищущего спасение от скуки или эксцентричного писателя с горящим взором, но наткнулся на совершенно непримечательного парня в джинсах и дешевой куртке, высокого и худощавого. Темно-русые волосы, уложенные по принципу «и так сойдет» дополнили образ. Дэш буквально видел в глазах риелтора отражение мучительных размышлений о серьезности его намерений.

– Вы выбрали чудесное место. Оно обладает особым очарованием, чувствуете? Пейзажи, воздух, тишина, – произнес риелтор, когда пауза затянулась, шумно вдохнул и умиротворенно окинул взглядом лес и горизонт, а потом почти с неподдельным волнением продолжил: – Но вот только сам дом, конечно, не в лучшем состоянии. Давайте мы с вами выберем другой объект. У меня на примете много чудесных домов, есть с мебелью...

– Нет, нет, не стоит, я хочу этот, – отрезал Дэш.

– Но послушайте...

Еще во время телефонного разговора риелтор заливался соловьем и сейчас с упоением продолжил. Он старательно расписывал богатую историю округа Солано и подчёркивал его уникальные особенности. Он рассказывал о прекрасных асфальтовых дорогах, ведущих в Сейнт Игнас, широких и ровных, о том, как чудесно путешествовать по ним в разгар дня, когда мягкое солнце освещает путь, как душевно прокатиться по ним вечером, когда усталые жители уже готовятся ко сну, предоставляя ценителям насладиться приятной поездкой, и как быстро можно добраться по ним утром до любой точки незабываемого округа Солано. Рассказывал о местных походных тропах и пользе пеших прогулок, особенно в таком чудесном месте, как Сейнт Игнас. Было еще что-то про климат и магазины, чего Дэш уже не запомнил. Он смотрел на воду и далекий лесистый берег. Среди деревьев угадывался кемпинг, от него тянулся причал, возле которого сиротливо болтались катера, ничто не нарушало осеннюю гладь озера.

Дэш мог бы сказать риелтору, что тот зря старается: дом в частности и округ Солано в целом его не интересуют. Он приехал убить тварь, которая наводит страх на местных жителей, но риелтор не был посвященным, поэтому эта информация его не касалась. Дэш смотрел на воду и представлял себе обитателя озера, думал о том, что тот увидит, если посмотрит сейчас на берег. Он увидит двоих мужчин, которые оглядывают окрестности: молчуна с руками в карманах и восторженно жестикулирующего болтуна. И у него возникнет вопрос: зачем они здесь? Возможно, это не к добру.

Из вежливости Дэш пытался поддержать беседу, но общительность никогда не была его сильной стороной. Впрочем, риелтора его молчание не смущало, он продолжал широко улыбаться, выпячивать грудь и воодушевленно говорить.

– Так может быть мы с вами посмотрим другой объект? Знаете, более комфортабельный. Тут совсем недалеко есть прекрасный дом и тоже с видом на озеро.

– Меня устраивает этот объект. Вы привезли документы?

– Хм, ну что ж, – озадаченно протянул риелтор и тут же нашелся: – Впрочем, это тоже отличный выбор. Здесь заповедные леса и чудесная природа! А дом? Ну что дом. Его починить можно. Это же ерунда! Я привез ключи и карту участка. И договор. – Он полез в кейс и достал заготовленные бумаги. – Давайте сначала пройдем внутрь, я покажу вам...

– Не беспокойтесь, я осмотрел дом снаружи. Все в порядке.

– Но я обязан...

– Не стоит. Где подписать?

Риелтор удивленно моргнул. Наверное, в этот момент он представил, как было бы чудесно продавать дома, увлекая покупателей формой печных труб, размерами окон, количеством ступеней на крыльце и цветом фасада. Действительно, кого интересует работающая канализация и отсутствие дыр в полу?

– Что ж, это чудесно! – разулыбался риелтор. – Но еще я обязан уведомить... Кхм, о доме ходят всякие глупые слухи...

– Не страшно, – улыбнулся в ответ Дэш, протягивая руку за документами.

Риелтор застыл на пару мгновений, но желание получить вознаграждение перевесило, и уже через секунду он протянул бумаги и ручку и показал, где поставить подпись, даже услужливо предложил кейс в качестве импровизированного стола.

– Поздравляю с арендой, мистер Холландер, – произнес он после того, как внимательно изучил подписи и облегченно выдохнул.

– Впрочем, про слухи можете рассказать. Что за слухи?

– Вы говорили, что пишете мистику? Так вот вам, как творческому человеку с фантазией, понравится. По слухам здесь жила ведьма.

Дэш вычитал в одной газетенке версию о злобном призраке, а теперь весьма заинтересовался новой. Риелтор явно воспрянул духом, наверняка восторгаясь собой и тем, как ловко он умеет превращать минусы объекта в плюсы.

Он рассказал, что раньше в доме жила семья Ривердейлов – отец и трое детей. Младшая девочка, подросток, пришлось местным не по нраву, ее называли ведьмой. Говорили, что скотина разбегалась от ее взгляда, косилки и комбайны ломались, если она подходила к ним, а люди заболели бешенством. Говорили, она обладает телепатической силой. Внушила сыну Селзников кинуться под работающий комбайн. На ошметки парня разметало. И сам Селзник-старший помер: заболел, а потом его нашли в кресле на веранде, да не просто так, а в окружении мертвых птиц. Говорили, она навела на него порчу, у него инфаркт и случился. Чтобы выгнать семейку из города, привлекли местного шерифа. Отец семейства Ривердейл пообещал приструнить дочурку, и вроде какое-то время все было тихо, но потом у Родгеров околели сразу три коровы. Местные пришли снова, вроде поговорить, но закончилось все убийством Ривердейла и обоих сыновей, а маленькую ведьму утопили.

– Это просто местная страшилка. Конечно, шериф Пеннебейкер не оставила бы убийства безнаказанными. Жена Ривердейла права на имущество не предъявила, так что дом перешел к банку за неуплату долгов. А вообще здесь спокойно.

– Буквально вчера прочел в газете о происшествии на озере – утонули три человека. Пишут, это дух той девочки. – Дэш крутил на пальце ключи, и они звенели в такт тихой музыке из наушников, которые лежали у него на плечах.

– Да ну, – отмахнулся риелтор. – Несколько рыбаков утонули по пьяни, а газеты раздули целую драму. Горожане пытаются вернуть озеру былую славу и выдумывают, чтобы туристов приманить. Теперь это вроде как местная достопримечательность, знаете, этакий вариант Лох-

Несского чудовища. Но, уверяю вас, на озере абсолютно безопасно. Мы с женой часто проводим тут выходные. Может быть, вас интересует аренда лодки?

– Нет, не интересует! – отрезал Дэш и поежился. Мысль оказаться на поверхности воды вызвала тошноту. – Я не очень люблю лодки.

– Ну что ж, сообщите, когда планируете въехать. Я не успел заказать клининг, но если скажете, к какому числу привезут мебель, то дом будет сиять к этой дате.

– Не стоит, – улыбнулся Дэш. – Не беспокойте клининговую компанию. Я разберусь сам.

– Но позвольте, как же я оставлю вам дом в таком?..

– Я готов подписать отказ от любых претензий. Клининг не нужен. Спасибо.

– Что ж, – озадаченно и немного обиженно пробормотал риелтор. – А ваша семья к вам присоединится?

Дэш усмехнулся. Наверное, риелтор окончательно решил, что клиент псих, и надеется, что за ним есть кому присмотреть.

– Мать и сестра заняты делами у Мексиканского залива. Я говорил, со мной только Кэп.

Среди деревьев как раз мелькнула светло-рыжая шерсть, вспорхнули птицы, и из леса выбежал золотистый ретривер. Попытался поймать одну птицу, но та улетела. Пес возмущенно полаял и нырнул обратно в кусты кизила.

– Вы в хорошей компании, – холодно заключил риелтор и протянул руку для прощания. – Если возникнут вопросы, звоните.

Однако в его тоне отчетливо звучало обратное. Он дежурно улыбнулся на прощанье, развернулся и ушел.

Дэш проводил риелтора взглядом, надел наушники и вернулся к машине, вытащил из багажника рюкзак, а из него сложенную в несколько раз карту округа и поисковый амулет. Разложив карту на капоте, Дэш сосредоточился на амулете и попытался отыскать цель, но амулет не активировался, хотя три дня назад указывал на это место. Значит, есть время на разведку.

Он сложил карту, снял наушники и огляделся. Для успешной охоты первым делом надо найти следы, подтверждающие, что тварь из воды частенько здесь бывает, изучить привычки, понять, чем ее можно приманить. Чаще всего они осторожные, сами просто так не лезут, к тому же конкретно эта должна еще опасаться людей.

Дэш начал с дома. Поднявшись по скрипучему крыльцу, он отпер не менее скрипучую дверь.

Секреты. Дэш это почувствовал, едва увидев его, когда подъехал полчаса назад. За семь лет с окончания школы они с сестрой и матерью изъездили почти всю Тонакаву и часть восточного побережья США – свою территорию для охоты. Жили, в основном, в мотелях и гостиницах, изредка в таких же старых домах, гулких коробках почти без мебели. Среди пустых стен съемных жилищ резко звучали отголоски их разговоров, звон ненароком упавшей чашки или скрип двери. Звуки скакали среди голых стен и будили по ночам, словно так и не приземлились за день на какой-нибудь диван или не застряли между шкафом и дверью. Дэш не любил дома-коробки, не доверял их безликой однозначности.

Дом Ривердейлов звучал не так. В напряженном полумраке шаги терялись и угасали, словно в комнатах стояла мебель, висели занавески, а подушечки, свернувшись по краям дивана, ждали хозяев, однако внутри встречали лишь пустые помещения. Казалось, тайны припечатывают шаги, гасят звуки, населяя комнаты и коридоры призраками. Освещая дорогу фонариком, Дэш прошел по коридору и все время ощущал на себе взгляд, будто кто-то притаился за углом. Перед разошедшейся деревянной дверью замер. Она скорее всего вела в пустую кладовку, но на секунду его охватила жгучая уверенность, что там кто-то есть, что кто-то стоит в ожидании, когда какой-то чужак с другой стороны выскочит навстречу.

Дэш испытал любопытство, прошептал: «Раз, два, три, чудовище, выходи!» и толкнул дверь. Она распахнулась с протяжным скрипом. Конечно, там никого не было, и Дэш почти

разочарованно хмыкнул. В кладовке прятались только гулкое эхо и пыльная пустота, впрочем, как и во всем доме. Дэш открыл соседнюю комнату, и в лицо понеслось что-то темное. Он быстро пригнулся. Стая летучих мышей, уже проснувшаяся и готовая к охоте, пролетела над головой. Не самые лучшие соседи! Дэш усмехнулся, успокаивая сердце, и вошел.

В этой комнате на полу лежала солома и мышинный помет, отчетливо пахло гниющим деревом и водорослями. Под ногами шуршало. Дэш нагнулся. Соцветие рогоза рассыпалась в руках сухим дождем. По всему полу виднелись такие горки: будто кто-то раскидал рогоз и полевые цветы да так и оставил. Вопреки логике влажного помещения травы не сгнили, а засохли, и теперь напоминали неряшливый гербарий.

Дэш неторопливо обошел темный и мрачный первый этаж. Скрипучая лестница привела на второй. Здесь было светлее, и в лучах вечернего солнца паутина задорно подмигивала, танцуя на сквозняке, а по стенам вычурно вился не только плющ, но и грибок. Дом будто едва слышно вздыхал, а еще разговаривал мышинными шорохами, поскрипыванием ржавых оконных петель и гудением ветра в трубах.

Несмотря на полное запустение и беспорядок, Дэш не мог отделаться от ощущения, что кто-то еще, кроме призраков прошлого и насекомых, обитает в этих стенах. Зыбкое чувство, не подтвержденное фактами, и от этого еще более нервирующее.

На первом этаже из мебели Дэш заметил только несколько колченогих табуреток и стульев да комод в коридоре, зато на втором обнаружилось целое изобилие: пыльные кресла, диваны с торчащими пружинами, шкафы с мутными стеклами. Ради интереса Дэш приоткрыл шкаф: несколько книг, монетки, свечи, ключи неизвестно от чего.

Он вышел на балкон, который некогда, видимо, был со всех сторон застеклен и наверняка слыл уютным местечком. Сейчас же почти все рамы лишились стекол, деревья кое-где по-хозяйски просунули ветки внутрь, а пол устилала листва и птичий помет. Удивительно, в какое плачевное состояние приходит дом без хозяев всего за девять лет. И как так вышло, что на первом этаже стекла сохранились, а вот на втором – выбиты? Не разбивали же их сами владельцы. Дэш представил, как сюда поднялись соседи, пылая гневом после смерти Селзников.

С балкона открывался вид на озеро с кемпингом на противоположном берегу. Отсюда, кроме катеров у причала, виднелись еще и белесые тенты. Но куда как интересней было смотреть, как заходящее солнце фиалковыми и коралловыми оттенками перетекает через кромку леса в воду, превращая гладь озера в глянцевую поверхность танцевального зала, где танцорами были чернети, морянки и казарки. Лес на том берегу плавился в солнечном золоте – еще немного, и сгорит в прекрасном гало.

Дэш любовался озером, не подходя к краю балкона. Он давно осознал свой страх воды и ничего не мог с ним поделать, ведь он тонул целых два раза.

Впервые это произошло, когда ему было семь, они с матерью и сестрой поехали на неделю в соседний город, – у Эштон были соревнования по карате, – и остановились в маленьком отеле с бассейном. Мать увозила Эштон на тренировки, которые продолжались с утра до вечера, а Дэш целыми днями гулял один. Дня два он ходил кругами вокруг бассейна, но потом все же решился: забрался в прохладную воду, долго стоял на нижней ступеньке лестницы, держась за поручень, а потом отпустил его.

Он хотел победить свой страх, но страх оказался сильнее.

Дэша вытащил работник отеля, который перекладывал на дорожках плитку, а врач из 9-1-1 сказал Дэшу, что он не дышал целых две минуты.

Через год мать отдала Дэша и Эштон на плавание. Она настаивала, а спорить с матерью Дэш тогда не решался, к тому же сестра поддержала идею с удовольствием, потому что любила воду. Пришлось ему спрятать свой страх поглубже, да и тренер пытался помочь и две недели уговаривал его забраться в бассейн, а когда уговорил, Дэш чуть не утонул во второй раз. В тот день он окончательно убедился, что вода – это шум в ушах, ощущение беспомощности и

боль в груди от попыток вдохнуть, когда легкие разрывает агония, при этом над головой даже не небо, а балочное перекрытие. Мать не хотела слушать никаких оправданий, поэтому Дэш продолжал ходить в бассейн, но на него накатывали такие приступы панической атаки, что тренер сдался, – заводил его в комнату отдыха и оставлял там.

Дэш усмехнулся, вспомнив, как договаривался с Эштон: он ей – домашки по-английскому, французскому и литературе, а она взамен не сдает его матери. И какое-то время она действительно молчала.

Страх воды не покидал Дэша с тех пор. Его пугали тонны воды под ногами, пугала холодная враждебная бездна, которая наблюдает за тобой, даже когда ты отворачиваешься.

Нелепая ирония заключалась в том, что его работа была связана с водой, и Дэш раз за разом приближался к своему страху, оставаясь от него на расстоянии шага и понимая, что когда-нибудь им снова придется сразиться. Копил силы.

Ветерок принес запах влажной земли. Кэп залаял из леса, видимо, нашел зайца или белку.

Дэш развернулся к выходу и застыл. Рядом с дверью, в сумеречном углу, валялся выдавший виды дырявый матрас. Казалось, его недавно двигали, потому что вокруг было меньше пыли. Вот и таинственный обитатель дома. Интересно, кто это – невинный сквоттер, нашедший временное пристанище, или тварь из воды?

Что ж, в конце концов загадка разрешится, а пока Дэш собирался насладиться тишиной и одиночеством.

Из машины он притащил для Кэпа еду, а себе спальный мешок. Мешок кинул на пол в самом дальнем от воды помещении на первом этаже – оно смахивало на столовую – и перекусил батончиками мюсли. Посуды в доме не нашлось, но Кэп справился и так – съел все с пакета, довольно облизнулся и улегся у входа.

Света еще хватало, чтобы хотя бы поверхностно осмотреть участок. Кэп вскочил, будто почувствовал намерения хозяина. Дэш потрепал его по загривку.

– Кэп, разведка!

Пес сбегал с крыльца, опустил нос к земле и потрусил в лес. Если там что-то есть, Кэп обязательно это найдет.

Дэш достал из багажника ружье. Проверил затвор и повесил ружье на плечо, проверил балисонг в кармане, рассмотрел внимательно карту участка, а потом пошел вдоль озера, оглядывая заросли рогоза и камыша. Прохладный воздух тянул хвоей и бодрил. Наверное, хорошо жить в таком месте – время будто останавливается, а человек кажется одновременно мошкой на фоне вечности и величайшим венцом природы.

За час Дэш обошел территорию по периметру, сверяясь с картой, а потом двинулся по внутренней диагонали. Золотистая шерсть мелькала в подлеске то тут, то там. За домом с озера несмело поднимался туман, придавая деревьям и кустам загадочный вид. Похолодало. Дэш уже начал подумывать о возвращении. Поиски можно продолжить завтра.

Кэп гавкнул два раза. Что-то нашел. Протиснувшись между красным кленом и кустами кизила, Дэш вышел на поляну.

Три сухие палки с метр высотой тянулись от земли к небу. К каждой поперек была примотана палочка покороче, придавая сходство с крестом. Кэп обежал поляну, обнюхал кусты и спокойно улегся под деревом – значит, рядом никого нет, и, похоже, давно не было. Дэш подошел к «крестам» и нащупал ногой в траве еле заметные возвышения, холмики в два метра длиной. Трава и лесные цветы давно завладели этим местом и почти спрятали следы вмешательства. Тропинки, если они тут и были, заросли. Дэш обошел полянку со всех сторон: как ни крути, уж больно похоже на захоронение, на три безымянные могилы с неуклюжими подношениями на палках – ожерельями из ракушек.

Дэш уселся рядом с Кэпом, раздумывая. Стояла такая тишина, что даже приближение облака тумана казалось громогласным шипением.

Допустим, это могилы. Возможно, там лежат отец Ривердейл и двое его сыновей, убитые девять лет назад. Их закопали убийцы, чтобы скрыть преступление? Никаких официальных похорон, будто Ривердейлы просто уехали. Или никаких тел тут нет, а лжезахоронение соорудили местные подростки в качестве шутки на Хэллоуин.

Дэш встал и снова подошел к «крестам». Отодвинул в сторону ожерелье с одного из них и присмотрелся к палке: на деревяшке были нацарапаны буквы. Первая то ли «М», то ли «Н», а вот вторая точно «Р». «Ривердейл»? Подписали бы убийцы могилы своих жертв? Только если их мучила совесть. В конце концов, могла и миссис Ривердейл вернуться. Она тайно похоронила свою семью? Чтобы никто в городе не узнал о ее визите? Версия, конечно, но сильно притянута за уши.

Или захоронение сделали вовсе не убийцы и не миссис Ривердейл, а... ее дочь.

Ее утопили, но она вернулась позже. Дэш представил, как она копала могилы садовой лопатой, отбрасывала липкие комья земли, пачкалась в грязи, утопала в мягкой жирной почве, делая то, что не каждому взрослому под силу, а потом тащила сюда тяжелые тела. Зачем бы ей это понадобилось? В этом нет никакого смысла. Единственный инстинкт таких, как она, – бежать. Бежать или мстить. Если она не убежала, значит, осталась, чтобы мстить. Тогда сквоттер и есть младшая Ривердейл. За девять лет в городке пропало или погибло почти двадцать человек. Возможно, все эти люди участвовали в суде Линча над ее семьей, и осталась она, потому что у нее была цель.

Риелтор назвал утопленницу местным аналогом Лох-Несского чудовища. Забавно. Именно этим словом – чудовище – мать и сестра называли этих существ. Дэш звал их Хомо Ихтис, хотя другие не любили это слово, оно наводило на мысль о разумности тварей.

Ракушечные ожерелья, висящие на палках-«крестах», ставили в тупик. Дэш колебался, но все же снял одно. На удивление ожерелье пахло лесными цветами, а не илом или водорослями. В ракушках виднелись не очень аккуратные дырочки, соединяла их грубая холщовая нитка, и, видимо, с ней пришлось предварительно повозиться, прежде чем она пролезла. Ее явно тщательно скручивали. В одной из ракушек пряталось кольцо. Скорее, даже перстень. Серебряный кружок без надписей, украшенный тяжелым зеленым камнем – калифорнит или хризолит – Дэш не особо разбирался в минералах. Видимо, перстень принадлежал кому-то из семьи Ривердейлов.

Ожерелье Дэш повесил обратно, а кольцо, поколебавшись, положил в карман.

Вернувшись к дому, Дэш остановился так, чтобы видеть воду и берег, надел наушники, включил радио – в этот раз попалась песня «Джин из бутылки» Кристины Агилеры, – и замер, разглядывая темнеющий горизонт над озером. Он думал об утопленнице, о том, как ее тело погружалось в воду, и свет удалялся от нее, пока не пропал совсем, и она осталась одна на темном холодном дне.

Несколько дней назад амулет указал на озеро Бреворт, значит, местная тварь вышла из воды. Если бы она сидела на глубине, амулет бы молчал. Дэш убьет ее, получит вознаграждение, порадует мать и докажет сестре, что может справиться без нее. Убивая тварь одну за одной, он убивал свой страх стать чудовищем, уничтожал свою чудовищную часть.

Чем больше тварей умрет, тем тверже станет его рука.

Глава 2. Раз, два, три, чудовище, выходи!

*Каждый миф есть одна из версий правды.
Маргарет Этвуд*

Вспоминая о детстве, Дэш в первую очередь говорил о сестре. Он всегда думал о себе с сестрой «мы»: они ели одновременно, шагали одинаково, часто даже двигались синхронно. Их бабушка говорила, что иногда у двойняшек так бывает, и тогда это казалось чем-то само собой разумеющимся. Не было Дэша и не было Эштон – были «они». Даже ругались они тогда будто бы понарошку.

Март 1979

– Жила на Больших озерах злая старая ведьма и много лет подряд губила попавших к ней людей, туманила им разум, заставляла убивать родных. Или заманивала в свое водное царство: привязывала человека к лодке и пускала по воде во мглу. С тех пор никто больше его не видел. Каждого, кого встречала ведьма, ждала печальная участь, ведь ее колдовство лишало воли.

Выразительный, чуть хриловатый голос бабушки Эйзел завораживал каждым словом и превращал сказку в настоящее представление. Перед началом истории бабушка выключила в гостиной свет, поставила два детских стульчика перед своим креслом и зажгла свечу. Ее зыбкий свет превратил знакомую мебель в таинственное мистическое убранство, подходящее трагизму истории. Дэш слушал и обещал себе, что, когда вырастет, обязательно найдет злую ведьму и убьет ее мечом или пистолетом.

– А дальше что, бабушка? – Сестра чуть не свалилась со стульчика, подавшись вперед.

Дэш тоже чуть не свалился со своего, неосознанно повторив ее движение.

– Вот же нетерпеливая, – рассмеялась бабушка. Она погладила Эштон по голове и покряхтела, устраиваясь в большом кресле. – Как-то раз появилась у Больших озер девушка-охотница, привлеченная всеобщим горем. Девушка-охотница знала, что нет над ней власти у ведьмы. Зашла она в лодку. Старуха посмотрела на охотницу, онемела и, как зачарованная, ступила следом. Лодка уплыла во мглу. Люди на берегу ждали, не уходили. В конце концов лодка выплыла из темноты, а в ней ни охотницы, ни ведьмы. Ведьма пропала, перестала мучить людей, а об Охотнице говорили, что она отправилась вдоль берега искать и искоренять зло.

– О-о-о! – Эштон застыла с открытым ртом. От восхищения у нее даже выпала из рук книжка с картинками, которую она хотела предложить бабушке почитать. Эштон вскочила, выхватила из кучи игрушек барабанную палочку и запрыгала вокруг стульчика, тыкая вокруг себя воображаемым «мечом». – Бабушка, бабушка, смотри, я великая Охотница на ведьм! Я убью всех ведьм на свете.

– Обязательно, – улыбнулась бабушка. – Ты могучая охотница, против которой бессильны чары ведьм.

Эштон воодушевилась еще больше, размахивая «мечом», и пара тычков досталась Дэшу. Он отпихнул сестру, получив в ответ осязаемый укол барабанной палочкой в плечо.

– Ай! – Он вскочил и заявил: – Я тоже убью злую ведьму и спасу мир. – Бабушка молчала, и он подскочил к ней, дернул за руку. – Бабуль, я тоже убью ведьму. Тоже убью!

– Возможно, – проворчала она, отдернув руку. – Пора готовить ужин. Засиделась я с вами.

Она встала и ушла на кухню, по дороге потушив свечу и включив свет. Эштон показала Дэшу язык.

- Я – Охотница, – заявила она. – Прячься, чудовище, я тебя найду.
- Вот и нет! – возмутился Дэш. – Это я Охотник. Сама прячься.
- Нет ты!

Потом Дэш прятался, а Эштон бегала по дому и кричала: «Раз, два, три, чудовище, выходи!», но «чудовище» выходить не хотело и, обиженно дуюсь, тихонько сидело в засаде, пока Эштон не надоело играть одной. Она убежала к бабушке, а Дэш проскользнул к себе в комнату, чтобы проверить рисунки, которые он нарисовал для мамы: тигра, жирафа и капитана армии, который спасал людей из горящего дома. Дэш считал, что капитан получился лучше всего, и теперь раздумывал, положить его сверху, чтобы мама сразу увидела такую красоту, или, наоборот, спрятать в самом низу, чтобы получился сюрприз.

Капитана он рисовал, представляя своего отца. То есть, если бы у Дэша был отец, он хотел бы видеть его таким – храбрым и решительным. Возможно, он такой и есть, живет где-нибудь и даже не знает о сыне и дочери. Вот было бы здорово с ним познакомиться, наверняка он обрадуется.

Мама пропадала в очередной командировке уже целую неделю, и Дэш безумно соскучился. Как-то он спросил у бабушки, почему мама так много работает, и узнал, что жизнь в столице нынче дорого стоит. Они с Эштон это обсудили и решили, что у мамы очень важная и сложная работа, иначе ей не платили бы так много, чтобы хватало на жизнь в таком большом городе как Ипсиланти.

Звук подъезжающей машины Дэш услышал первым, потому что окна его комнаты выходили на подъездную аллею.

- Мама!

Он схватил рисунки и выбежал в коридор, кубарем скатился по лестнице и чуть не задохнулся от счастья, заведя ее на пороге. Длинные рыжие волосы взметнулись, когда она сняла плащ. Он очень любил ее волосы. Таких ярких, блестящих и огненно-рыжих волос не было больше ни у кого на свете.

– Мама, мама, я так рад, что ты дома! – Дэш хотел ее обнять, но она вешала плащ, а потом разувалась, и ему никак не удавалось к ней подступить.

Послышался топот ног Эштон, и Дэш торопливо сунул маме рисунки.

– Я тоже рада, что дома. Я так устала. Что это? – спросила она, пытаясь обойти Дэша и пройти в гостиную. Ему все же удалось обнять ее за пояс.

– Я нарисовал для тебя. – Дэш чуть не лопнул от нетерпения. Вот мама удивится, когда увидит, как здорово вышел бравый капитан.

Она опустила взгляд на рисунки, и волосы заструились вдоль лица волнами блестящего огня.

- Котенок? И зебра? Мне кажется, зебры не бывают желтыми.

- Мама! – Эштон прибежала с кухни.

Мама отложила рисунки на комод и присела, чтобы ее обнять.

– Как твое карате, милая? – спросила она у Эштон. – В прошлый раз тренер говорил, что планирует отправить тебя на соревнования.

Эштон затарахтела про карате.

– А капитан? – пробормотал Дэш, но мама и сестра ушли на кухню к бабушке, а рисунки остались лежать на комод в прихожей.

Вечером Дэш никак не мог уснуть. Пусть ему не удаются животные, но герой-капитан должен отправиться с мамой в следующую поездку. Вдруг ей понадобится защитник? Дэш откинул одеяло, встал с кровати и прошлепал к своему столу. Он просунет рисунок под дверь маминой комнаты, и утром она непременно обрадуется. Плохо, что им с Эштон запрещено к ней заходить, тогда он положил бы рисунок ей на подушку.

В ее комнате горел свет, а через приоткрытую дверь слышались голоса.

- Их надо разделить, – сердито говорила бабушка. – Эштон не должна терять время.
- Научи его быть одним из нас.

Дэш не сразу узнал материнский голос. Он звучал непривычно, будто она говорила в платок или ей что-то мешало.

– Это невозможно! – отрезала бабушка. – И тебя предупреждали, Гертруда. Просили отдать его на усыновление. Ты избежала бы кучи проблем: не рассорилась бы с сестрами, и на тебя не повесили бы бесконечный план. Теперь тебя вечно нет дома, а мне что прикажешь делать?

- Учить его!
- Этому не бывать!

Дэш представил, как серо-стальной взгляд бабушки заполняет комнату, и поежился. Он вслушивался в голоса и шорохи за дверью, а слышал только свое сердце, – оно колотилось часто-часто.

– Ты отказываешься, даже не попробовав. Пожалуйста, мама, можно ведь все делать аккуратно.

– Нет, нет и нет! Гертруда, не с ним! Это безответственно! Ты лишишься обоих детей. Ты и так их лишишься, если продолжишь настаивать. Дэшфорд никогда не сможет...

Дэш убежал к себе. Забрался под одеяло с головой и накрылся сверху подушкой. В голове яростно билась мысль: его не любят, он не нужен. С ним что-то не так, поэтому его хотят отдать чужим людям и разлучить с семьей, из-за него мама почти не бывает дома, а бабушка Эйзел вечно брюзжит не потому, что у нее подгорело печенье или болит спина, а из-за него. Из-за Дэша. Он разревелся и обмочил кровать.

Бравый капитан печально вздохнул из темноты и рассеялся.

Утром он наблюдал за мамой, но она вела себя, как обычно: приготовила завтрак – оладьи, вишневый пирог, шоколадное суфле и ванильный крем, – потом послушала рассказ о занятиях в подготовительной группе и поговорила с бабушкой об оплате счетов. Когда после завтрака она взяла в руки турку, Эштон сгребла свои тетради и умчалась собираться на занятия, а бабушка начала складывать грязные тарелки в раковину. Мама не любила, когда ей мешали пить кофе, все должны были уйти. Дэш в раздумьях сидел за столом, наблюдая за мамой и пытаясь придумать, что сделать, чтобы его не отдали в другую семью. Занимался он в подготовительной группе хорошо, тетради не пачкал, задания сдавал вовремя, по крайней мере, мама с бабушкой никогда не ругались; ходил на дополнительные уроки по чтению и рисованию. Карате ему не нравилось, там нужно было бить других, но маму радовали успехи Эштон.

– Я тоже пойду на карате.

Мамина рука замерла над туркой. Дэш ожидал, что мама сейчас повернется и с улыбкой скажет, что это отличная идея, но она молча насыпала кофе в турку, убрала пакет в верхний ящик и занялась водой.

– Ты? На карате? – фыркнула бабушка, отправляя последнюю тарелку в раковину. – Ты из другого теста сделан.

Он не понял, как это связано с едой. Ему стоит учиться готовить? Разве пятилеток такому учат?

– Хочу на карате, – упрямо повторил Дэш.

Он уставился на мамину спину, пораженный догадкой: если делать что-то вместе с мамой, например, готовить обед или пылесосить, то точно добьешься успеха.

– Если наша соседка согласится возить на карате еще и Дэша, почему нет? – произнесла мама, так и не повернувшись. – Спор ни к чему. Пусть идет.

– Как хочешь, но я умываю руки. – Бабушка закатила глаза и поставила в раковину последнюю чашку. Посуду она будет мыть потом, когда мама уедет в магазин. Перед выходом из кухни бабушка обернулась к Дэшу. – Что ты сидишь? Ступай в свою комнату.

Он послушно выбежал за дверь, но остановился. Бабушка уже ушла в сад поливать цветы.

Вчера, во время подслушанного разговора, мама была какая-то другая, будто незнакомка. Дэш даже усомнился в его реальности. Может, он ему приснился? Дэшу до безумия хотелось подойти к маме, посидеть рядом. Он заглянул на кухню. Мама достала с полки корицу, и длинные рыжие волосы растеклись вокруг спины, как огонь, как языки пламени из глотки дракона, точь-в-точь как в мультике по детскому каналу, когда дракон летал над деревьями и изрыгал пламя. Вспыхнувший образ его расстроил, Дэш опять чуть не разревелся и убежал в сад.

Бабушка поливала цветы. Дэш прошел мимо, слушая, как шуршит по лепесткам вода. Он брел к своему тайному месту в самом дальнем углу сада, куда никогда не ходили ни мама, ни бабушка, ни Эштон. Среди густых кустов еще прошлым летом Дэш вытоптал полянку и из старых досок соорудил стол и табуретку. У табуретки ножки вышли разной длины, пришлось вкопать их в землю, а стол все время заваливался на одну сторону. Зато Дэш справился сам. Еще он сделал выставку: натянул на листву садовую сетку и к ней прикрепил прищепками рисунки, притащил любимые книги и поделки из глины и деревяшек. Рисунки тигра, жирафа и капитана он тоже принес и долго смотрел на них, а потом порвал. Маме не понравилось, значит, ему они тоже не нужны.

Дэш переборол слезы. Вот еще, из-за бумажек реветь.

В просвете между кустов на соседнем участке мелькнуло желтое пятно, и Дэш выпрямился. Девчонка в неизменном желтом платьице снова вышла гулять и теперь сидела на качелях, казалось, смотря на Дэша, но в то же время мимо него. Зазнайка все время воротила нос, делая вид, что его не замечает. Несмотря на это, она ему нравилась. Он был уверен, что девчонка только разыгрывает гордычку, а на самом деле не прочь поиграть. Он много раз пробовал с ней заговорить и подружиться, подавал знаки и даже кидал ей мяч, и сейчас тоже помахал. Но она даже не повернулась. Не хочет и ладно, пусть сидит одна.

Дэш оглядел свои поделки, а потом свалил их на землю к порванным рисункам, сорвал с сетки остальные и тоже скинул в кучу. Не годится, такое нельзя показывать маме. Он сделает лучше, и тогда мама наконец-то обрадуется.

Глава 3. Не приезжайте в маленькие города

*Люди не могут утешиться, когда их обманут
враги или изменят их друзья; но когда они
обманывают сами себя, они бывают порой довольны.
Франсуа де Ларошфуко*

Девять лет Дэш убивал таких, как я. Мать и сестра отслеживали каждый его шаг, проверяли каждое его действие. Изменять порядок охоты запрещалось: сначала с помощью карты и амулета находилась «цель», потом Гертруда, Эштон и Дэш отправлялись на охоту. Все всегда шло по одному сценарию, менялись только сроки: иногда удавалось настичь цель быстро, иногда приходилось выслеживать их неделями, рыская по району. Во время охоты Дэша спасала музыка, которую он ненавидел, зато она ограждала его от всего, что происходило вокруг, а еще его выручал Кэп. Самая лучшая компания для любой ситуации – молчаливый дружелюбный помощник. После гибели Енота Дэш много лет не заводил собаку. Боялся потерять еще одного друга. Но Кэп сам его выбрал, и с тех пор они не расставались. Эта собака словно родилась для поиска таких, как я.

Так и шло. Мы умирали, Охотники получали вознаграждение.

Октябрь 1999

При ярком утреннем свете дом Ривердейлов выглядел совсем жалко, выставив все свои недостатки: на бруске темные пятна, напоминающие плесень, на втором этаже покосившиеся рамы, во дворе проваленное крыльцо и лавочка, притулившаяся на траве рядом с нижней ступенькой, – все это вызывало желание сделать что-нибудь с рухлядью, придать строению жилой вид. Перелицевать и покрасить уж точно. Стоя у машины, Дэш рассматривал дом и прикидывал длину и ширину досок, а еще – какие инструменты понадобятся. Хорошо бы на кухне отремонтировать шкафчики. Сейчас они выглядели так, что хранить в них что-либо не хотелось: от влажности дерево перекошило, поверхность вспухла и кое-где прогнила. Можно заменить фанеру внутри и навесить новые дверцы. Хотя проще купить все заново.

Охота могла затянуться. Кэп спокоен и опасности не чувствует, да и амулет молчит, значит, тварь из озера сейчас ушла на глубину, а вернуться она может когда угодно, хоть через месяц. Дэш поймал себя на мысли, что ему все больше импонировала мысль задержаться: гулять с Кэпом, бродить по лесу, – только подальше от озера, – просто насладиться одиночеством. До этого дня с ним всегда кто-то был, приглядывал, не налажает ли он, дышал в затылок и требовал отчета по всем действиям – каждый день, с тех самых пор, как он стал Охотником.

Напевая, Дэш прошелся по участку, обдумал поездку в город за едой и простыми средствами гигиены, а потом вернулся к джипу и достал из багажника печатную машинку – ушатанный Underwood. Он купил ее случайно, когда ехал в Сейнт Игнас, заметил в витрине ломбарда какого-то городка и остановился. Идея прикинуться писателем, чтобы к нему не возникало лишних вопросов, родилась спонтанно при виде массивного корпуса цвета синей пыли и рядов клавиш. К машинке ему продали еще и сумку с канцелярщиной.

Дэш вернулся на крыльцо. Там стоял круглый деревянный столик, который когда-то, похоже, был красным, но выцвел на солнце и превратился в серо-розовый, но и Underwood была «в возрасте» – они отлично дополняли друг друга. Дэш поставил машинку на столик, из сумки достал кипу бумаги, карандаши, точилки и резинку. Прижал бумагу ножкой машинки, остальное положил рядом. Вполне сойдет для поддержания легенды о том, что он писатель. Еще и экстравагантный – на машинке печатает.

Тихий и сонный Сейнт Игнас дремал на берегу озера, укрывшись раскидистыми деревьями и выставив на солнце городскую площадь с ратушей и единственным магазином. Дэш проехал мимо и оставил машину выше по улице: он любил ходить пешком в незнакомых местах, присматриваться к ним и прислушиваться. Сейнт Игнас ему нравился: отличное место для спокойной жизни. Может быть, когда-нибудь он оседет в похожем местечке, но, конечно, подальше от воды. Он прогулялся по Бреворт-Лейк-роуд – единственной крупной улице городка, которую уже начали украшать тыквами и сухими букетами ко Дню благодарения, и зашел в магазин. За кассой возился продавец. Увидев покупателя, он широко улыбнулся. Дэш кивнул и юркнул в ряд с продуктами.

Петрушка раскинулась на прилавке, огурцы прижались к ней будто в поисках дома и защиты, а она благосклонно свесилась над ними вялыми листьями. Дэш покосился на зелень и овощи, которые лежали тут, видимо, со времен конфедератов, основавших Тонакаву. Жаль, не получится приготовить спагетти. С утра он проверил плиту: мертва, как вера в Санта Клауса.

Из соседнего ряда доносилось назойливое бормотание.

– Его жена бросила, поэтому он переехал. Хочет начать жизнь сначала. Понимаешь, о чем я, Бека?

– Он хочет побыть один.

– Вовсе нет! Кто хочет быть один? Мы позовем его на День благодарения. Не стоит в такой период жизни оставаться одному.

– А если он и правда...

– Бека, прекрати нести чушь! Мужчинам после развода всегда нужна поддержка, уж поверь мне. Когда я познакомилась со своим вторым мужем, он только развелся. И вот как-то раз я ему говорю...

Дэш в раздумьях рассматривал яблоки и невольно прислушивался к разговору. Два женских голоса то заговорщически затихали, то взрывались возмущением. Один, который упрекал Беку в незнании жизни, звучал хрипло, словно его обладательница смолила похлеще капитана Крюка. Дэш представил высокую даму со светлыми кудрями и пышными формами, если добавить ей повязку на один глаз, то вырисовывалась форменная пиратка. Вторая дама была, скорее всего, моложе, и ее голос звучал немного растерянно под напором «пиратки». Дэш собирался прихватить консервированную фасоль, но не рискнул идти через соседний ряд и показываться на глаза болтушкам. Чего доброго, его, как и того бедолагу, жертву развода, пригласят на День Благодарения.

– Дождемся, пока он выйдет с почты, и подойдем, – твердо заявила «пиратка».

– А что мы ему скажем? – поинтересовалась Бека.

– Просто поздороваемся.

– Может, он не захочет здороваться?

– Бека, ты останешься старой девой, если будешь бояться сказать мужчине «здравствуйте»! И вообще, он же наш сосед. Мы просто проявим элементарную вежливость.

Дэш захватил шоколад и пахнущие корицей булочки и направился к кассе.

– Подскажите, поблизости есть DIY-магазин? – спросил он у кассира. Старикан, весь состоящий из кругов – круглое лицо, круглый нос, круглая, под горшок, стрижка, круглые пальцы на руках, испещренных подкожными жировиками – проглядел на Дэша все свои круглые глаза, пробивая покупки.

– С вас десять тридцать пять. В Макино. Это столица округа, – с готовностью улыбнулся старикан. Ловко сложив последнюю покупку в пакет, он потянулся под прилавок и достал бумагу и карандаш. – Мой сын Клайв там работает. Я вам сейчас напишу адрес и телефон Клайва. Позвоните ему, он поможет с выбором. И скидку сделает.

Дэш забрал пакет с покупками, но продавец успел кинуть туда бумажку.

– Поезжайте как можно скорее. Скоро начнутся дожди, и дороги развезет. Если вам надо в Макино, то стоит поехать прямо завтра.

– Я еще не решил. Спасибо. – Дэш развернулся и наткнулся на миниатюрную старушку.

Застыв с умильной улыбкой, она не спускала с него пытливых глаз, сложив руки на груди и склонив набок голову с растрепанными серенькими буклями. Выражение лица у нее было точь-в-точь как у бабушки Эйзел, когда та видела любимую внучку Эштон после долгой разлуки.

– Мистер Холландер, какая чудесная встреча! – произнесла старушка хриплым голосом «пиратки».

Дэш опешил от неожиданности: голос совсем не подходил миниатюрной аккуратной старушечки.

– Мне про вас уже все-все рассказали, – продолжала она. – Вы наш новый сосед. Можете звать меня мисс Хлоя. А я как раз говорю Беке, как было бы чудесно съездить в Макино на фермерскую ярмарку. Вы пробовали наш фадж? Его делают только в Макино. Вы просто обязаны его попробовать.

Дэш вежливо улыбнулся. Он даже не удивился, что первый встречный знает его имя. Похоже, в маленьких городках это что-то типа вида спорта: скорость вынохивания подробностей о новом жителе. Кто, интересно, мог о нем рассказать? Риелтор? Дэш попытался обойти старушку, но она шагнула ему наперерез и вцепилась в рукав, не спуская умильного взгляда. Хватка у нее была крепкой – пальцы зацепили куртку, будто самый настоящий пиратский крюк.

– Бека, подойди! – рявкнула она. Дэш аж вздрогнул.

Из-за стеллажа выглянула высокая дама в бесформенной тканевой ветровке, джинсах и резиновых сапогах. Таких дам Дэш называл дурнушками. В сумерках и издалека они еще сходили за девушек, но при ярком свете магазинных ламп, как сейчас, шансов у них не было. Кислое выражение лица и неряшливый хвост волос мышиного цвета конкретно эту представительницу тоже не красили.

– Бека, позволь представить тебе мистера Холландера, – решительно прохрипела мисс Хлоя. – Он как раз собирается в Макино. Представляешь, какое совпадение? Вы можете поехать вместе, бензин сэкономите, да и веселее вдвоем. Бывают же такие удачные встречи!

Мисс Хлоя жеманно улыбнулась. Бека робко застыла, явно нервничая и не разделяя неожиданной радости.

Дэшу пришлось чуть поднять голову, чтобы оставаться вежливым и смотреть Беке в глаза. Под бесформенной курткой угадывалась грудь поистине космических размеров. Воображение уже представило бикини, но забуксовало на контрасте с глуповатым выражением лица и немытыми волосами.

– Приятно познакомиться, – пробурчал Дэш, отцепляя от рукава пальчики мисс Хлоя.

Он пытался дать ей понять, что намек уловил, но в Макино с Бекой не поедет. Она улыбнулась в ответ, давая понять, что отступить не намерена. Дэш попытался придать лицу самое недоброжелательное выражение, которое только мог, обогнул новых соседей и решительно двинулся к выходу. От Беки пахло алкоголем.

Заводить близкие знакомства он не планировал. Раньше он всегда ездил с матерью или сестрой, кроме них ни с кем и не общался. С посторонними мать ограничивалась холодными кивками, а к Эштон никто не подходил поздороваться: она распространяла флюиды враждебности, даже когда забирала вещи из химчистки.

– Как вам дом, мистер Холландер? – не сдавалась «пиратка». Придержала для него дверь, пока он выходил, да еще и Беку поманила, мол, за мной. – Собираетесь делать ремонт? Знаете, Бека как-то три месяца проработала маляром, когда у нас на озере открывали детский лагерь. Она все-все смыслит в красках. Может вас проконсультировать.

Если Бека помоеет голову и придет к нему в бикини, то, может, он и согласится на консультацию, но пока предложение энтузиазма не вызывало. Большею частью из-за самой Беки, которая понуро шагала позади, вероятно, укоряя себя, что так и не сказала «здравствуйте». Дэш надеялся, что вопрос о том, останется ли Бека старой девой, решат без него, а еще убеждал себя, что отремонтировать дом Ривердейлов – дурная затея. Он на ладан дышит и скоро развалится – есть ли смысл? Никакого, но Дэш любил работать руками, размышлять о том, какие сорта древесины больше подойдут, подгонять размеры, шлифовать и красить.

Шагая по Бреворт-Лейк-роуд, Дэш слушал рассуждения мисс Хлои об акриловых и эмульсионных красках и вялое поддакивание Беки, когда к той обращались за подтверждением. Думал о пахнущих корицей булочках и ругал себя, что выбрал неподходящее время для поездки за продуктами. Надо было ехать перед самым закрытием, когда все уже сидят по домам: редкие прохожие тарасились на него и смотрели на мисс Хлою, как на храброго первопроходца.

– Мистер Холландер, а что вы делаете на День Благодарения? – спросила мисс Хлоя тоном старого знакомого. – Неужели вам предстоит провести его в одиночестве? Знаете, у меня родилась чудесная идея! Приходите ко мне. Я всегда собираю гостей на праздники.

Компания мисс Хлои, Беки и бедолаги – жертвы развода, который торчит на почте, не воодушевляла. Дэш ускорил шаг.

– Вы выбрали отличное место для жизни, мистер Холландер. Это чудесный город с историей, а жители приветливые и работающие. – Мисс Хлоя семенила рядом и не думала отставать, будто ей вовсе и не приходилось бежать за Дэшем, даже дыхание не сбилось.

Он прикинул, что она отлично смотрелась бы с деревяшкой вместо ноги: хромота подчеркивала бы ее героический вид, который она изо всех сил на себя напускала, а еще из-за этого она, возможно, медленнее бы шла. Вспыхнувший образ вызвал смех, который не удалось сдержать. Старушка сразу же отреагировала, разулыбалась и пошла на новый заход:

– Вам просто необходимо использовать историю дома Ривердейлов в вашей книге.

Такое ощущение, что анкетные сведения о каждом прибывшем мужчине передаются от жителя к жителю Сейнт Игнаса таинственным мгновенным способом. «Не-же-нат» – влетает в их головы. Старые девы пьют и набираются смелости сказать «здравствуйте». «Пи-шет-книгу» – риелтор, мисс Хлоя, продавец, почтальон, парикмахер и прочие мотают на ус, наверняка сгорая от желания сообщить новому соседу подробности трагической истории Ривердейлов.

Будто в подтверждение его мыслей мисс Хлоя с увлечением сообщила:

– Бека вам много чего может рассказать. Правда, Бека? Это же готовый сюжет для триллера. Девочка Ривердейлов была совершенно сумасшедшей. Отец и братья прятали ее в подвале, чтобы никто не заметил ее ущербности, но она иногда убегала. Сильная очень была. Я читала, что все умственно отсталые сильные. А миссис Ривердейл никуда не сбегала. Сумасшедшая дочурка ее убила, а потом и отца с братьями.

Интересная трактовка. Но тварь она и есть тварь. Вполне возможно, что свою семью убила она, а вовсе не местные.

До машины оставалось всего несколько метров, и Дэш ускорил шаг. Однако мисс Хлоя все же сумела его заинтриговать, поэтому он поинтересовался:

– А что по поводу Селзников? Она и их убила? Или местные постарались?

– Местные?! Да вы что, все жители Сейнт Игнаса порядочные и набожные люди! – возмутилась мисс Хлоя.

Дэш бросил взгляд на Беку. Молчаливые и застенчивые обычно более наблюдательны, чем болтуны, которые все силы тратят только на слова и совершенно ничего не замечают. Бека недовольно поджала губы и скептически покосилась на мисс Хлою. Искреннее выражение шло ей больше.

– Приходите к нам на День благодарения. – Мисс Хлоя широко улыбнулась, перехватив взгляд Дэша. – Я испеку тыквенный пирог, а Бека вам все про Селзников расскажет.

Тут Дэш засомневался по поводу спокойных дней на озере. Да, ему импонировала мысль гулять с Кэпом и бродить по лесу, но как совместить это с такими соседями?

– Боюсь, на День благодарения у меня планы. – Он все же решил не рисковать – их рассказы не изменят его цели, попытался открыть дверь машины, но мисс Хлоя встала у дверцы, буквально перекрыв отступление.

– Я живу на Чарлз-Моран-Роуд, дом с колоннами, не пропустите. Приходите в любой день. – Словно по волшебству у мисс Хлои в руках оказался листок и карандаш. Она чиркнула адрес и сунула бумажку в пакет с продуктами. – А приходите прямо завтра. Бека фотографии принесет.

Дэш уже начал прикидывать, не будет ли хамством подвинуть мисс Хлою в сторону и быстро сесть в машину, но тут приехало спасение. Рядом остановился «Форд Мустанг» с надписью на крыле «Патруль округа Солано». Из «Форда» вышла женщина в полицейской форме, с кобурой и рацией на поясе. Убранные под фуражку волосы и пронзительный взгляд завершали образ.

– Мистер Холландер, смотрю, вы время не теряете. Уже успели познакомиться с нашей мисс Хлоей.

– О, а вот и шериф Пеннебейкер, – сказала мисс Хлоя сухим и весьма недружелюбным тоном, словно оповещала о прибытии налогового инспектора.

– Мисс Хлоя, ваш сын все еще не забрал удобрения у поставщика, поторопите его, пожалуйста, – с такой же интонацией произнесла шериф. – И верните ключ от библиотеки. Это собственность города.

– Непременно, милочка, – неискренне улыбнулась ей мисс Хлоя. – Что ж, мне пора. Не забудьте, мистер Холландер, ждем вас завтра. Заодно поделюсь с вами газом. Отдам парочку баллонов. Счет пришлю на ваш новый адрес. До завтра.

Дэш открыл рот, чтобы отклонить приглашение, а значит, остаться без газа, но тогда ему бы пришлось кричать это в спины мисс Хлои и Беки. Две дамы уже порядочно отделились – первая резво семенила, а вторая шла широкими шагами. Он перевел взгляд на шерифа.

– Рад познакомиться, шериф.

Она пристально разглядывала Дэша, не утруждая себя деликатностью.

Шериф ему показалась своеобразной: плавный подбородок, легкая полнота, расслабленная поза, но вместе с тем цепкий взгляд и тонкие нервные губы.

– Мисс Хлоя возглавляет благотворительное Общество Ветеранов, Совет фермеров, а также Книжный клуб, – произнесла она, обходя свою машину, чтобы облокотится на капот рядом с Дэшем. – И все еще находит время совать нос в чужие дела. Как вы устроились, мистер Холландер? Я звонила электрику. Он поехал к вам. Проверит щитки и подключит дом к городу. Что думаете по поводу колодца? Не почистить ли?

– Да, наверное. – Дэша взяла досада от такого внимания. – Я поищу специалиста.

Неожиданная забота вызвала опасение. Мать, бабушка и сестра заботой его не баловали, но стоило ему ошибиться, становились назойливо опекающими.

– Я уже вызвала вам специалиста. Приедет завтра после обеда. Возьмите мой номер. – Она положила визитку Дэшу в пакет с продуктами. – Звоните, если возникнут сложности. Любые. По поводу плиты. Газ нам привозят раз в месяц, я заказала парочку баллонов на вас, но раньше, чем через две недели, не ждите.

Дэш прикинул. Конечно, можно воспользоваться любезностью мисс Хлои, но лучше вспомнить навыки скаутов и готовить на открытом огне.

– Спасибо, шериф. Я благодарен вам за помощь.

Шериф едва заметно улыбнулась. Наверное, ее можно было бы назвать привлекательной женщиной, если бы не холод во взгляде.

– О, ну что вы, моя работа следить за благополучием жителей. По поводу Беки...

Дэш открыл дверь, но упоминание Беки его удивило. Он посмотрел на шерифа.

– Бека Селзник, в своем роде, местная достопримечательность. С тех пор как пару лет назад умерла ее мать, она живет одна в большом доме. Мисс Хлоя взяла ее под опеку. Девять лет назад ее брат попал под комбайн, а отца свалил инфаркт. Эти события оставили отпечаток на ее психике. – И строго добавила: – Не советую с ней играть, не ваш тип. Да и с мисс Хлоей поосторожнее, опомниться не успеете, как уже поведете кого-нибудь под венец.

А вот это уже интересно. Так Бека, значит, из семьи Селзник.

– Никаких игр, шериф, – спокойно ответил Дэш. – Я напишу книгу и вернусь домой. И затягивать не планирую.

Она неохотно улыбнулась, будто ставя под сомнение его слова, и вернулась к машине.

Дэш перевел взгляд на мисс Хлою и Беку, которые остановились в конце улицы. Старушка что-то рассказывала женщине, гулявшей с парой йоркширских терьеров. Бека послушно стояла рядом. Мисс Хлоя указала рукой в сторону Дэша, и все, включая терьеров, посмотрели на него. Он поспешил забраться в машину, пока ему не надавали еще адресов и приглашений, поставил пакет с продуктами на соседнее сиденье и задумался. Кто лучше всего знает, что случилось с Ривердейлами? Дэш опустил стекло.

– Шериф, скажите, вы работали здесь девять лет назад?

Она повернулась и прищурила серые глаза.

– Вы имеете в виду что-то конкретное? Дайте угадаю. Наверняка вам уже наговорили про Ривердейлов невесть что. Они уехали. Сэм Ривердейл получил известие о смерти жены, и они отправились к ее родне. Я лично проводила их и заперла дом.

– И куда они уехали?

– Вроде в Небраску.

– Все вместе? Всей семьей?

Шериф улыбнулась. Тонкие бледные губы растянулись, только глаза остались льдистыми.

– А вы заметили что-то необычное?

– Э-э-э, – растерялся Дэш. – Да вроде нет. Что вы имеете в виду?

– Мистер Холландер, – шериф положила длинные, тонкие пальцы на дверь, – холодает. Бродяжки и сквоттеры начинают подыскивать себе жилье. Пару лет подряд кто-то болтался у дома Ривердейлов. Вы там поосторожнее. Если кого увидите, сразу звоните мне.

– Несомненно, мэ.м.

Дэш начал выезжать и уперся взглядом в надпись «Почта». Он припарковался прямо у ее дверей. Значит, в магазине мисс Хлоя и Бека говорили про него? Черт! С чего они вообще решили, что он в разводе? Он приехал вчера и виделся только с риелтором. Похоже, в этом городе все любят рассказывать небылицы.

Шериф в том числе. Она точно врала. Если она проводила Ривердейлов в Небраску, то на кого все время указывал поисковый амулет? И чьи могилы нашел Кэп? Кстати, шериф так и не ответила на его вопрос.

Пока самым интересным собеседником казалась Бека, ведь из-за твари она потеряла почти всю семью. Возможно, стоит наладить с ней контакт и послушать ее рассказы о тех событиях, конечно, без присутствия мисс Хлои. Только действовать нужно осторожно, чтобы никто не решил, что у Беки есть шансы сбросить ярмо старой девы с его помощью.

Паркуясь у дома, Дэш услышал собачий лай.

Он выскочил из машины, пытаясь на ходу надеть наушники: громкая музыка в ушах – первый уровень защиты от твари. Лай звучал угрожающе, с нотками испуга. Дэш на секунду

замер. Кэп всегда тихо приводил к цели, потому что был так натренирован. Так что же происходит? Забрел сквоттер, о котором его предупреждала шериф?

Провода путались, и Дэш их отбросил. Важнее достать ружье из багажника. Хотя спасет ли его оно, если там все-таки окажется тварь? Дэш схватил ружье и ринулся на лай, на ходу проверяя затвор.

Сначала Дэш увидел только воду. Озеро сверкало в солнечных лучах, ослепляя бликами.

Кэп заходилась лаем, бегая по самому краю причала. Дэш шагнул к лестнице. На причале никого не было, а лаял Кэп не в воду, а на лестницу между собой и домом, и смотрел вверх.

Серая тень мелькнула на периферии взгляда. Дэш увидел ее внезапно. Рысь! Переступив мощными лапами, она пригнулась к полу и предупреждающе зарычала. Оголились зубы, острые и белоснежные. Золотистая шерсть блеснула на солнце, а согнутое в напряжении тело приготовилось к прыжку.

– Черт! Черт! Черт!

Дэш навел на нее оружие, но заколебался. Убивать такое прекрасное животное не хотелось. Рыси просто так не нападают, еще и на территории человека. Как она вообще пробралась к дому? Может, сюда забрел ее детеныш? Или это вообще самец.

Рысь распласталась по полу, заняв всю ширину веранды и не давая Кэпу прошмыгнуть. Пес с лаем взбежал к Дэшу по ступенькам, но тут же отпрыгнул, заскулил и поджал хвост, когда рысь огрызнулась на него. Делала все она как-то неуверенно, будто сомневалась.

Дэш попятился и оказался на самом краю веранды. Ниже – узкая полоска причала и пугающая вода, а еще тварь, которая с радостью вцепится в жертву, упавшую в озеро.

– Кэп, фу! Отойди!

Рысь зашипела, пытаясь не выпускать обоих из поля зрения. Не двигаясь, она утробно рычала и вообще вела себя нетипично. В чем выражалась нетипичность, Дэш не взялся бы объяснить, но с кошкой явно было что-то не в порядке: слишком затравленно она смотрела и слишком неуверенно двигалась.

Дэш поманил собаку:

– Кэп, обойди дом. Отстань от нее.

Пес в нерешительности переступал с лапы на лапу, не желая оставлять хозяина. Он лаял не переставая, уже хрипел. Дэш отступал по краю веранды, держа палец на спусковом крючке. Рысь все больше нервничала, словно не знала, что ей делать.

Кэп снова кинулся к Дэшу, и рысь резким движением прыгнула на него, впившись в загривок. Пес взвыл. Дэш выстрелил, стараясь его не задеть.

Пуля попала рыси в левый бок. Она отбросила взвизгнувшего Кэпа и прыгнула на Дэша. Он выстрелил снова. В нос ударил резкий запах крови. Перед лицом мелькнул развороченный глаз и распахнутая пасть, сверху навалилось тяжелое тело, а где-то под ребрами ошпарила боль. Под ногами оказалась пустота, а через мгновение холодная вода ударила по спине, рукам, затылку. В сознании вспыхнула мысль: конец!

Тяжелый ком давил сверху, и Дэш схватился за него в поисках опоры, но погрузился еще глубже. Оставляя кровавый след, распускающийся в воде быстро исчезающим цветком, тело рыси тянуло на дно. Дэш в отчаянии попытался рвануть наверх, но только глотнул жирной илистой воды и запаниковал, бессмысленно молотя руками.

Кэп? Где Кэп? Кожа под ребрами горела, как в огне. В чертовой мути ничего не было видно, а легкие требовали воздуха. Он запоздало отпихнул мертвую кошку, с трудом не заглотив еще воды.

Перед глазами что-то колыхалось. Водоросли. Он почти на дне! Водоросли опутали руки и ноги, холодными укусами щекотали лицо. Внизу распахнулась темная глубина. Она отливала зеленым и приветливо махала тонкими пальцами-травинками, зазывала, пытаясь заполучить любого, кто падал в ее объятия. Мир утратил привычные направления – верх был везде, как

и низ. Движения ничего не меняли, никуда не вели. Он застыл в холодной пустоте, и рядом в окружении пузырьков плавало тело рыси. Грудь разрывало от боли, и глоток воды стал казаться достойной альтернативой. Надо выбирать... Но Дэша охватил ступор, он лишь оцепенело смотрел, как свет становился все дальше.

Что-то толкнуло в спину, сильно и уверенно. Водоросли нехотя выпустили добычу – его самого, рысь промелькнула перед носом и осталась позади. Дэша выбросило на поверхность, и он жадно вдохнул. Снова погрузился под воду, и снова его подбросило, словно вода гневалась и выталкивала из своих глубин. Под ногами обнаружилось дно. Дэш кое-как добрался до берега и плюхнулся на траву, задыхаясь кашлем. Судороги прошли, и остался только хрип. Дэш упал на спину, не веря, что выбрался, и уставился на качающиеся над головой кроны.

Сверху навис Кэп. Он радостно скулил и облизывал Дэшу нос, лоб, щеки, руки. Горло саднило, щипало глаза, но главное, что с псом все хорошо.

– Черт, приятель, ну мы с тобой и попали. – Дэш с облегчением обхватил его и попытался нащупать место укуса, но пес радостно прыгал, ни секунды не оставаясь на месте, и только облизывал все, что мог. – Ну ладно, все, все.

Дэш обнаружил себя метрах в двадцати от причала на скудном подлеске среди редких берёз. Глянул на бок и обомлел: куртка и рубашка превратились в ошметки. Кожу под ребрами невыносимо жгло, но кровь не хлестала, похоже, просто царапина. С какой стати рысь решила напасть на человека? Странно. И еще толчок в спину. Сначала он решил, что это Кэп, но пес был сухой, не считая крови на загривке...

– Дьявол меня раздери! – Дэш подскочил, поскользнулся на мокрой траве и чуть не шлепнулся обратно в воду.

Плеер! Где плеер? В машине! А ружье? Утонуло или валяется на причале. Дэш судорожно осмотрел гладь озера. Насколько хватало глаз, все было спокойно – ни лодок с рыбаками, ни катеров с туристами, никого, выходящего из воды. Только тишина обволакивала как туман. Морщась от боли в боку, Дэш схватил Кэпа за скользкий от крови загривок и чуть не заработал еще одну рану: пес щелкнул зубами рядом с его рукой – ему было больно.

– Прости, приятель, но нам лучше отойти от воды, – пробормотал Дэш, выталкивая Кэпа на ровный сухой берег. Мокрые ботинки противно хлюпали, а тяжелая одежда холодила тело.

В машине Дэш первым делом напялил наушники и включил музыку на максимальную громкость.

Поисковый амулет в этот раз ожил над картой и уверенно показал, где цель: прямо здесь, на озере Бреворт. Дэш бросился на причал. Ружье лежало на краю настила, рядом с проломленными перилами. Слушая в наушниках яростные перекаты рока, он подобрал его и нацелил на озеро. Ни единого всплеска до горизонта.

Какого черта тварь из воды не утопила его, а спасла ему жизнь?

Глава 4. Контрасты

История – это правда, ставшая ложью.

Миф – это ложь, ставшая правдой.

Жан Кокто

Самые сложные и противоречивые отношения у Дэша складывались с матерью. То же мне невидаль, скажете вы, ну и что, да у половины населения земного шара так. У меня, например, тоже не все так просто. Меня вырастил отец.

Рассказать эту историю, не упомянув Гертруду Холландер, – невозможно. Она всю жизнь вызывала у Дэша то удивление, то недоумение. Подружек у нее не было, мужчины появлялись и исчезали, оставляя после себя лишь окурки в пепельнице и рядок бутылок из-под пива. Почти все ее время занимали бесконечные командировки. Иногда суицидные мелочи вызывали у нее приступы раздражения, например, в магазине с плохим обслуживанием, в ресторане с медлительными официантами, в такси с протертыми сиденьями и запахами от предыдущих клиентов. Она доносила свое недовольство в лоб, не стесняясь в выражениях. Члены семьи тоже не избегали подобной участи. Возможно, она просто не видела надобности в терпении и вежливости. У нее начисто отсутствовала деликатность, и она, похоже, искренне считала, что, спокойно и доходчиво поведав человеку о том, какое он ничтожество, сделает его лучше. В те редкие минуты, которые она проводила с детьми, она чаще всего казалась равнодушной.

Дэш все детство ломал голову, задаваясь вопросом, что с ним не так? Искал ответы внутри себя, пытаясь понять, чем не угодил семье, и лишь спустя много лет он осознал, что мать просто не знала, что с ним делать. Она не хотела сына, не ждала сына и не понимала, как вписать его в свою жизнь.

Май 1982

Мама была дома уже неделю. Успела поменять занавески в гостиной и на кухне, перекрасить подвал, позаниматься с Дэшем и Эштон, – у него хромала математика, а у сестры правописание, – и даже сходил с Эштон на торжественный вечер, который организовал «Фонд для одаренных детей».

Сестра выиграла конкурс по гимнастике среди восьмилеток, а вот Дэш остался дома – он никаких конкурсов не выиграл. Мама и Эштон принесли кучу буклетов с фотографиями улыбающихся детей: одних с гимнастическими лентами, мячами, обручами, других – со взведенными луками, третьих – у шахматных досок. Дэшу понравились две яркие белые буквы ПП, которые были напечатаны на каждом буклете: они везде стояли рядом – ПП – и, казалось, поддерживали друг друга. Дэш тогда почему-то вспомнил о сестре и спросил у мамы, что значат эти две буквы. Она начала рассказывать про компанию, которая помогает фонду одаренных детей. Дэш мало что понял, уловил только, что эта компания отдает свои деньги, чтобы дети и дальше могли участвовать в конкурсах. «Петрол плюс» – прочитал он надпись мелким шрифтом и подумал тогда, что эти ПП большие молодцы.

Наступила суббота – предпоследний день маминого отпуска, и они втроем – мама и Дэш с сестрой – отправились на прогулку в центральный парк. Дэш подумывал признаться матери, что боится воды и не учится плавать, но точно не сегодня. Сегодня он радовался тому, что мама проведет этот чудесный день с ним. Он ездил по парку на велосипеде, ориентируясь в толпе на ее синюю ветровку. Потом они остановились на детской площадке недалеко от дома.

Дэш много раз ходил сюда один, но сегодня они пришли настоящей семьей, и ему хотелось подойти к каждому на площадке и сказать: «Смотрите, это моя мама».

Дэш бросил велик на песок и отправился на качели, потому что с них было видно маму. Она сидела на лавочке, и с ней здоровались другие мамы. Эштон играла с девочками, а Дэш качался. Недалеко стояла девочка в серой курточке и рассматривала что-то под ногами. Дэш попытался разглядеть что там такое интересное, но не увидел – слишком далеко. Девочка все стояла и стояла, не поднимая головы и ничего не делая, и у Дэша лопнуло терпение. Ей же явно скучно. Можно поиграть, например в догонялки. Он спрыгнул с качелей, но остановился. Поиграть с другими он всегда успеет, а сегодня он с мамой. Если она захочет куда-то пойти или что-то ему сказать, он должен быть рядом. Дэш вернулся на качели.

Перед ним пробежал светловолосый малыш, а за ним следом женщина в длинном цветастом платье и с сумкой, ляжка которой все время съезжала с плеча. Малыш указал пальчиком на песочницу, женщина тут же, как по волшебству, извлекла откуда-то совочки и ведерки, они начали лепить куличи. Потом малыш ткнул на горку. Женщина стряхнула с его рук песок и помогла ему взобраться по ступеням, а потом побежала к спуску – ловить. Поймала, подбросила в воздух, прижала к себе, что-то прошептала на ухо и поцеловала.

Дэш посмотрел на маму. Она все еще сидела на лавочке, уставившись вдаль поверх всех голов. Ему захотелось, чтобы она покатила его на карусели, но, поразмыслив, рассудил, что мама точно откажет, потому что он уже слишком большой. Тогда он поискал глазами девочку, которая разглядывала свои ноги, но не нашел ее нигде на площадке. Ушла. Он отвернулся к малышу, которого поили соком.

Понаблюдав за ним еще пару минут, он услышал рассерженный голос мамы. Она стояла у скамейки и разговаривала с незнакомцем, потом попыталась его обойти, но он преграждал дорогу и не отставал. Мама резко развернулась и зашагала прочь. Мужчина пошел за ней.

Эштон с новой подружкой сидела под горкой и ничего не заметила. Дэш спрыгнул с качелей: бежать за матерью или остаться с сестрой? Мама не любила, когда к ней приставали, поэтому он пошел на карусель недалеко от горки.

Мама и незнакомец дошли до магазина, завернули за угол и скрылись из вида. Дэш то и дело посматривал туда, но они не возвращались. Он ощутил себя брошенным, вспомнился подслушанный разговор, где мама и бабушка говорили про усыновление, вспомнилось, как он описал кровать и потом стаскивал мокрое холодное белье, чтобы отнести его в ванную, никого не разбудив по пути. Ему совсем расхотелось кататься на карусели и вообще оставаться на детской площадке. Какой-то гадкий мужик все испортил. Дэш подумал, мог ли этот мужчина быть его отцом, но тут же отменил эту мысль. С чего бы тогда ему уходить, почему не познакомиться с Дэшем? Но тут его осенило: а вдруг пришли за ним, ведь его собирались отдать в другую семью. Ладони вспотели, и он чуть не упал с сиденья. Вцепившись в металлический поручень по сильнее, он стиснул зубы и раскрутил карусель так быстро, что его начало сносить.

Раз – вдалеке мелькнули рыжие волосы. Два – мелькнули ближе, у края площадки. Три – Дэш увидел мамино лицо. Карусель крутилась, и Дэша затошнило. Он вертел головой, чтобы все время видеть маму. Она стояла на дорожке и вид у нее был такой, будто она сама только что слезла с карусели – волосы взъерошены, лицо мокрое и бледное – будто ее тоже тошнило. Мама стояла и смотрела то на него, то на Эштон. Потом резко оглянулась, и волосы взметнулись всполохами огня. Она быстро зашагала к Дэшу, прижимая к боку скомканную синюю ветровку. Он спрыгнул с карусели, но потерял равновесие и грохнулся на песок.

– Дэш, – мама схватила его за руку и дернула наверх, – ты знаешь мотель около молла? «Рыцарь дорог»?

Голос у нее хрипел, звучал колюче и раздраженно. Дэш вырвал руку и отступил. Вот и все, сейчас ему скажут, что он будет жить с другими людьми.

– Милый, – мама попыталась улыбнуться, неестественно, будто рот против ее воли растягивали невидимые пальцы. – Сосредоточься! Ну же! Мотель!

Милый? Дэш так обалдел от непривычного слова, что вообще перестал соображать. В голове крутилась картинка, как незнакомец уводит его с собой, и они живут в мотеле «Рыцарь дорог».

– Я не хочу, – прошептал он, и у него защипало глаза. – Не отдавай меня. Пойдем домой. Пожалуйста!

Мама схватилась за карусель, повернула к нему искаженное непонятной гримасой лицо и рявкнула:

– Прекрати паясничать! Мотель! Вспомни! Мы его часто видели, когда ездили за покупками!

Мама опиралась на карусель, а Дэш удивился, что ее рука все еще в вишневом джеме, который они ели на завтрак.

Подбежала Эштон.

– Ма-ам? Ты чего?

Мама снова посмотрела на дорогу, в сторону магазина. Тот самый незнакомец медленно брел в их сторону, неуверенно переставляя ноги и держась за голову.

– Бери велосипед! – Мама встряхнула Дэша за плечо. – Катайся где хочешь, я разрешаю, а потом езжай к моллу. Мотель «Рыцарь дорог», понял? Эштон, беги домой! Скажи бабушке, чтобы позвонила Веронике...

У мамы по виску стекала капля пота, и Дэш больше не слышал ее голоса. Остался только ужас – случилось что-то страшное. От непостижимости беды заболел живот.

– Дэшфорд! Иди! – рявкнула мама и толкнула его так, что он снова шлепнулся на песок. Он вскочил, схватил велосипед, переехал на другую сторону дороги и остановился. Волосы Эштон и ее темно-бордовый комбинезон мелькнули позади – она побежала домой. Мама шла навстречу гадкому мужику.

Уезжать не хотелось, но послушаться маму Дэш боялся. Он схватился за руль, но тут от горки раздалось глухое «бух», и он снова обернулся. Тот самый светловолосый малыш шлепнулся на гладком полукруглом желобе, скатился на пузе вниз и разревелся. Его мать подбежала, схватила его в охапку и прижала к себе.

Начало темнеть, а Дэш все катался по улицам и вспоминал мамин взгляд – слишком колючий. Дэш не хотел в мотель, наверное, там ждала новая семья. Эштон просили идти домой, а его – в какой-то дурацкий мотель. Зачем?

В конце концов Дэш захотел есть и вернулся домой. Машины на подъездной дорожке не было, дверь не открывалась, и нигде не горел свет. Он долго сидел на крыльце, пока не замерз, а на улице не ступились сумерки. Ему хотелось в свою комнату, но в окнах не зажегся свет. Где же бабушка? От последнего становилось страшно, ведь она всегда сидит на кухне или у себя в комнате. В соседнем доме с качелями окна тоже не горели, машины не было, словно и там хозяйева куда-то пропали. Дэш не хотел уезжать. Это же его пристанище. Его комната, его дерево в саду, его детская площадка и его школа, а еще девчонка-соседка, с которой он так и не подружился. Уже почти набрался смелости.

Перед глазами стояло злое лицо мамы с выражением, какого он прежде никогда не видел, и становилось еще страшнее. Лучше бы он поехал за ней, пусть бы она его отругала, зато не умирал бы сейчас от страха.

К Дэшу на крыльцо подсел Бравый Капитан, молча выражая поддержку. Дэш посидел еще, успокоился и поехал к моллу: даже если его отдадут в другую семью, он по крайней мере спросит, что с мамой.

Поплутал он порядочно и добрался, когда уже совсем стемнело. На велосипеде подфарника не было, поэтому пару раз Дэш хорошенько навернулся в темноте: разбил левый локоть

и правую коленку, но даже порадовался – новая семья откажется от него сразу, как увидит. Зачем им непослушный грязнуля?

Дэш заприметил одинаковые одноэтажные корпуса с дорожками между ними, ведущими во внутренний дворик, и въехал на полупустую парковку. Придорожный мотель и несколько машин тонули в свете шоссе́йных фонарей. Дэш слез с велосипеда и застыл в нерешительности – и что дальше?

– Ты где шлялся весь день?!

Он дернулся от неожиданности. Эштон выскочила откуда-то из-за угла, мелькнув темно-бордовым комбинезоном, и теперь стояла перед ним, злая и раздраженная, почти с точно таким же колючим выражением на лице, как у мамы на детской площадке.

– Где надо, там и шлялся, – буркнул Дэш, скрывая облегчение.

– Надоело тебя ждать. Я сижу одна уже несколько часов!

– Одна? А где... – Дэш даже не смог закончить, так перепугался.

– Они в номере, но бабушка не пускает.

Эштон отвела его во внутренний дворик и пихнула в руки кекс. Велосипед поддерживал Дэша весь день, не хотелось с ним расставаться, но пришлось прислонить его к стенке, чтобы взять шуршащий пакетик с кексом. Незнакомца нигде не было видно, и Дэш немного успокоился, огляделся и сел на один из пластиковых стульев у стены. Напротив стояли еще такие же одинаковые домишки, подсвеченные полукругами фонарей.

– Я прибежала домой... бабушку звала, а она не слышала... оказалось она в саду... вот она перепугалась... а потом она звонила... мы уехали и сняли комнату. Двадцать третью. Вон ту. – Эштон махнула рукой, и Дэш нашел напротив среди одинаковых коричневых дверей нужный номер. В окне сквозь плотную занавеску пробивалась тонкая полоска света. – Потом какая-то тетя привела маму, и бабушка меня выгнала. Дала еды, сок и сказала ждать тебя.

– И где еда? – Дэш проглотил кекс в один присест.

– Я все съела. Вода только осталась. – Она сунула Дэшу маленькую бутылку содовой. – Где ты был? Мне, знаешь, как страшно...

Эштон бухнулась на соседний стул и заплакала, а Дэш так удивился, что чуть не выронил шуршащую упаковку и бутылку. Эштон уже давно не плакала, тысячу лет.

– Чего ты реवेशь как маленькая? Стыдно на тебя смотреть.

Такую фразу ему как-то сказала бабушка, когда он мастерил скворечник и саданул молотком себе по указательному пальцу. Тогда ее слова сработали, он перестал плакать. И даже когда бабушка сорвала лопнувший ноготь, и боль проникла в самые дальние уголки его тела, он не плакал. С Эштон не вышло, она продолжала тихонько всхлипывать и шмыгала носом время от времени.

– С мамой что? – нетерпеливо спросил Дэш, страшась ответа.

– Бабушка сказала, ее ранили. – Эштон сжалась в комочек, скукожилась, как воробушек. – Ножом ударили.

Дэш от ужаса сам чуть не расплакался, но удержался. Плачущая Эштон и беда с мамой перевернули весь мир, и даже опасение попасть к чужим людям казалось теперь пустым и незначимым.

– А почему ее не отвезли в больницу, не знаешь?

– Тетя, которая к ней пришла... Вроде она доктор. – Эштон горестно вздохнула.

– Пойдем посмотрим, – прошептал Дэш.

– Я несколько раз пыталась. – Эштон тоже шептала. – Бабушка прогоняла. Сказала, дожидаться тебя и идти в номер двадцать пять. Вот, ключ дала.

Эштон достала из кармана ключ, на котором болтался огромный овальный брелок с цифрами «25». Он закрывал всю ее ладонь и казался нелепым и некрасивым, даже пугающим. Дэш

смотрел на брелок, и догадка все больше билась в груди: мамина рука была измазана вовсе не джемом, а кровью.

– Тот дядька ей что-то сделал.

– Какой дядька? – нахмурилась Эштон.

– На площадке, ты не видела? Это он виноват.

Эштон распахнула заплаканные глаза. Вид у нее стал совершенно ошарашенный, а потом она резко выпрямилась и тихо ахнула.

– Он – один из них. Чудовище. Он пришел ей отомстить.

– С чего ты взяла?

– Помнишь сказку про Великую Охотницу? Бабушка сказала, что мама такая же. Она борется со злом.

– О-о-о! – поразился Дэш. Мама обладает особой силой!

В эту секунду он понял, что хочет быть как она: бороться с чудовищами и делать мир лучше, а еще защищать ее, чтобы больше никто не причинил ей вред.

Дверь двадцать третьего номера открылась. Из нее с большой сумкой наперевес вышла незнакомая женщина с серьезным выражением лица и гладко зачесанными в пучок волосами. Увидев Дэша с Эштон, она остановилась, словно в нерешительности, а потом медленно пошла к ним. Эштон вскочила со стула, будто порываясь подбежать, но сдержалась. Дэш встал рядом с сестрой и следил за женщиной, затаив дыхание, искал на лице незнакомки ответ на самый главный вопрос – что с мамой? – но лицо оставалось совершенно непроницаемым.

Она подошла ближе и остановилась, смотря на Эштон:

– Ты молодец. Сделала все правильно и быстро. Теперь с твоей мамой все будет хорошо.

Ей с тобой повезло.

– Вы доктор? – спросил Дэш. От страха то ли за маму, то ли перед незнакомкой у него дрожали руки, и он спрятал сжатые кулаки за спиной.

Она окинула его взглядом, от которого Дэшу стало не себе.

– Я доктор, – ответила она и отвернулась к Эштон. – Завтра к вам придет риелтор и даст ключи от нового дома. Вам придется переехать. Новый дом тебе понравится, обещаю.

Переехать? Как же так?

– А тот человек, который обидел маму, то чудовище, – Эштон смело шагнула вперед, – больше не вернется?

– Не волнуйся, – улыбнулась незнакомка, – не вернется.

– Откуда вы знаете? – спросил Дэш.

– Этот вопрос решен, – заверила она.

– А на новом месте нас не найдут?

Незнакомка уже отошла на пару шагов, но остановилась и повернулась к Дэшу.

– Если будешь слушаться мать, то не найдут. А если оступишься... Ты усложняешь жизнь своей семье. Постарайся не создавать проблем, – отчеканила она и ушла.

Дэш опешил. Приближающееся понимание чего-то неотвратимо безысходного наползало из темноты, не подсвеченной фонарями, и пугало до чертиков. Может быть, он, когда вырастет, станет тем самым чудовищем из легенды и будет вредить людям? От ужаса его передернуло.

– Что она имела в виду? – озадаченно переспросила Эштон.

– Не знаю, – прошептал Дэш. Нет, что за глупости! Эштон сейчас была единственным близким существом на весь мир, поэтому он не удержался, повернулся к ней и схватил ее за руку. – Обещай, что мы с тобой всегда будем вместе.

– Конечно, будем, ты же мой брат, – уверенно кивнула она. – Пусть эта тетка говорит, что хочет, мне все равно. Мы всегда будем вместе.

Эштон порывисто его обняла. Дэш обнял ее в ответ, и ему стало легче. Они постояли, дыша друг другу в шею, пока Эштон его не отпустила.

– Так не хочется уезжать из нашего дома, – вздохнула она, вытирая слезы. – Мне там нравится.

Дэш был благодарен Эштон за возможность поговорить о чем-то менее тревожном.

– Да, мне тоже, – кивнул он, потом на секунду замялся и добавил: – Я так и не подружился с соседской девчонкой, которая все время качается на качелях.

– С какой соседской девчонкой? – рассмеялась Эштон. – В доме с качелями никто не живет, в доме с вязами три брата, а напротив – кошатница. У нее только кошки.

Перед внутренним взором Дэша возник Бравый Капитан. Он пожал плечами, так же сильно недоумевая от заявления сестры. Да ну! Эштон просто никогда не интересовалась соседями. Задавака жила в соседнем доме, он видел ее там много раз, а теперь уедет, так и не решившись с ней заговорить. Отчего-то эта мысль расстраивала почти так же сильно, как и все случившееся.

Утром Дэш проснулся один, Эштон на соседней кровати не оказалось. Куда она делась? Дэш совершенно растерялся. Если он ворвется к маме в комнату, она его за это не похвалит, а бабушка так вообще отругает. А вдруг мама умерла? Вдруг он больше никогда ее не увидит? Мысль об этом сковывала и пугала еще больше. Или все уехали и бросили его одного. Он чуть не расплакался, спрятался под одеяло и долго лежал в тишине, вслушиваясь в далекие и нечеткие дребезжания и постукивания за дверью. Было страшно встать и зайти в соседний номер: вдруг эти звуки означают, что маму увозит катафалк?

Белье пахло не домом, а чем-то чуждым, горьковатым, и на ощупь было жестче. Луч света, пробивающийся в щелку между одеялом и простыней, мелко подрагивал, словно его мололи в блендере, и Дэшу казалось, что сам он тоже подрагивает. С улицы то доносилось, то пропадало дребезжание, становясь громче – пугающий звук приближающегося горя.

– Дэшфорд! Да что же это такое? Уже почти полдень, а ты валяешься! Что за лентяй! – Бабушкин голос заглушил все звуки с улицы, и Дэш вынырнул из-под одеяла. Бабушка всплеснула руками – совсем как дома. – Господи, ты вчера в хлеву, что ли, побывал? И лег прямо в грязной одежде? Один день! Всего один день не уследила за тобой, а ты уже похож на поросенка!

Дэш кубарем скатился с кровати и ринулся к ней, – она аж отпрянула, – крепко-крепко обхватил ее и застыл.

– Ну ладно, ладно, чего это ты вдруг обниматься вздумал. – Бабушка попыталась отодвинуться, но Дэш не отпускал, наслаждаясь ощущением, что его не бросили. – Покажи-ка локоть. Ничего себе, ссадина, как бы шрам не остался. Давай-ка обработаем. Да отпусти уже. Сейчас принесу сумку...

– А мама?.. – Дэшу пришлось отпустить бабушку, уж больно она стремилась вырваться.

– Мать твоя отдыхает, и нечего ее беспокоить. Сходишь к ней позже.

Бабушка открыла дверь.

– Эштон, иди сюда, – крикнула она. – Побудь с братом.

Мимо комнаты прошла горничная с дребезжащей тележкой, нагруженной полотенцами и еще какой-то мелочевкой, а солнце осветило серый пол и невзрачные стены. Дэш рассмеялся от облегчения.

Они провели в мотеле четыре дня, к маме их пустили на третий. Она сидела на постели, опираясь на подушки, лицо у нее было совсем бледное, как молочный коктейль, и почти сливалось с белым постельным бельем, а волосы больше не блестели, словно тоже утратили краски. Но она улыбалась. Дэш бросился к ней, а бабушка тут же дернула назад.

– Осторожно, не беспокой мать, она еще слаба.

И нависла над ними, словно строгий страж.

Дэш уселся на соседнюю кровать, не сводя с мамы взгляда. Она поморщилась, когда Эштон аккуратно присела на край ее кровати. Ей явно было больно даже от такого незначительно движения. Эштон затараторила, сколько страху натерпелась, и что Дэш оставил ее одну в тот день, но сама она всегда-всегда слушается, и что в школе все равно не проходят ничего интересного, и поэтому они рады побыть в мотеле.

– А нам не надо вызвать полицию? – спросил Дэш, дождавшись, когда сестра замолчит, чтобы набрать воздуха. Бабушка поджала губы, мама вздохнула, а Эштон растерянно вскинула голову, словно укоряя себя, почему ей не пришло в голову спросить элементарную вещь. – Нам в школе рассказывали, что, когда что-то случается, надо вызывать полицию.

– Не волнуйтесь, – тихо сказала мама. – Все уже решено, и виновные наказаны. Вероника всегда поможет, запомни. Если случится еще что-то подобное, обращай к Веронике.

Она погладила Эштон по руке, и Дэш медленно-медленно подошел поближе к ее кровати в надежде, что она и его погладит.

– Нам подобное больше не нужно, – проворчала бабушка. – Вероника должна обеспечивать твою безопасность. Это ее недоработка!

Мама прошелестела:

– Давай не сейчас.

Бабушка фыркнула.

– Вероника – эта та тётя, что к тебе приходила? – спросила Эштон.

– Нет, нет, это была одна из ее работниц. – Мама требовательно посмотрела на бабушку. – Надо рассказать. Дети должны знать, что делать, если...

Ее слабый голос потерялся в громком возмущении бабушки:

– Я пока еще в силах за ними присмотреть. Гертруда, не надо списывать меня со счетов раньше времени.

– Мама, – устало выдохнула мама, но ее услышал только Дэш.

– Что рассказать? – спросила Эштон.

Дэш ждал ответа мамы. Она никогда не позволяла собой командовать, но тут молчала, даже прикрыла глаза, будто собиралась заснуть.

– Я хочу помочь, – произнес Дэш. – Что надо сделать?

Если бы мама попросила его решить весь учебник противной математики, он бы согласился, главное, чтобы ей стало лучше.

– Ма-ам? – настойчиво позвал он.

– Ну вот, совсем мать утомили, – запричитала бабушка. – Идите-ка на улицу.

– Я не пойду, – вцепилась Эштон в одеяло. – Я останусь с мамой.

– Пусть посидят, все хорошо, – устало улыбнулась мама и прикрыла веки.

Дэш внимательно ее оглядел. В фильмах пострадавшие всегда оказывались либо с гипсом, либо с повязкой на голове, но у мамы не было ни гипса, ни повязки. От ее руки отходила тонкая прозрачная трубочка, она тянулась вверх и вела в мешочек с жидкостью, который висел на высокой палке. На мешочке было много мелких надписей, не видных снизу, и две большие буквы ПП. Вроде это какая-то компания, которая дает деньги на детские конкурсы. Дэш покопался в памяти и всплыло название «Петрол Плюс». Он рассудил, что раз маму посещал врач, то это что-то медицинское. Наверное, эти две П дают деньги не только на детские конкурсы, но еще и на лекарства.

– Дэш, – позвала мама.

Он с готовностью подскочил.

– То, что ты сказал на площадке... Просил не отдавать тебя. Откуда ты это взял?

Дэшу показалось, что он снова упал с велосипеда, и жесткий асфальт ударил его в грудь и выбил воздух. Он услышал свой голос:

– Так полиция точно не нужна?

Мама поморщилась, но он не мог и не хотел вспоминать то, что сказал на площадке, будь то правда или нет.

– Тебе же объяснили, что нет. Что за вопросы? – возмутилась Эштон.

– Пойду покатаюсь, – пробормотал Дэш, выбежал из номера и сел на велосипед. Больше всего на свете он хотел остаться, а еще лучше – поменяться с Эштон местами, но его гнал прочь страх разговора о том, что его хотят отдать другим людям.

Но все же оставшиеся два дня в мотеле, пока они не уехали в новый дом, Дэш вспоминал, как счастливые. Бабушка уходила по делам, а мама почти все время отдыхала, слушая рассказы Эштон и Дэша о школе, мультиках, книгах и карате. В невзрачной комнате рядом с Моллом образовался новый мир, наполненный хихиканьем Эштон и спокойной улыбкой матери.

Глава 5. Кошмары и прочие обитатели дома

Мир магии – это иллюзия.

Мир иллюзии – это реальная жизнь.

Айшек Норам

Легко жить, обманывая себя, опутывая ложными убеждениями. Сложно отпустить свои представления и лишиться маски, за которой мы прячемся от правды. Но в этой уязвимости кроется освобождающий потенциал.

Дэш учил меня видеть истину за иллюзиями, потому что хотел избавить от болезненного опыта, который получил сам.

Он охотился ради блага других, и убеждение, что он делает мир лучше, помогало не сойти с ума. Первое убийство снилось ему много лет. Лицо и платье с узором из цветов так сильно отпечатались в памяти, что забыть Дэшу отчаялся. Сон повторялся всегда почти один в один, – он и жертва смотрели друг на друга, а потом Дэш убивал, – только никак не мог вспомнить, что за цветы были на платье, и поэтому во сне они все время менялись: то розы, то нарциссы, то маргаритки. И взгляд ее тоже менялся. Обычно она смотрела с ненавистью, но иногда в глазах светился страх, а порой укор или ярость. Бывали ночи, когда ее лицо таяло вместе со сном и утренними лучами, а бывали, когда оно так и стояло перед глазами часами. Тогда он не выдерживал и напивался.

Ему снилось только ее лицо. Всегда только одно.

Октябрь 1999

Во сне он снова видел ее лицо: правильный овал с острым подбородком и высоким лбом, на левой щеке три родинки, расположенные полумесяцем; кончик носа чуть-чуть кривой, справа он кажется длиннее, чем слева, слишком большие мочки ушей за мокрыми волосами. Вокруг темных глаз с пушистыми ресницами залегли тени, а во взгляде застыла ненависть. Дэш занес балисонг и воткнул ей в живот, прямо в платье с узором из цветов. Цветы увяли, лепестки осыпались. Платье превратилось в воду, а потом ручейками вместе с телом растеклось и исчезло.

Обычно в этот момент Дэша всегда захлестывала вина и необъяснимое ощущение потери, но сегодня сон пошел по иному пути. Вместо того чтобы, как всегда, впитаться в песок, вода окружила Дэша. Она поднималась все выше и выше, пока не добралась до подбородка. Пришлось задрать голову, чтобы сделать вдох. Солнце над головой зыбко дрожало, его края искажались, как на детской картинке, когда акварельный круг расплывается безобразной кляксой по слишком мокрой бумаге. Перед глазами колыхались водоросли, рядом дрейфовало тело рыси, оставляя распускающийся в воде красный цветок. Дэш не удержался и вдохнул воду. Все вокруг было водой, и он сам тоже. И вот уже он разливается ручейками и становится частью океана...

– Дэшфорд, я ожидала от тебя большего! – укорила мать. – Ты не посмеешь подвести меня и свою сестру.

Дэш обнаружил себя на кухне их прежнего дома в Ипсиланти, только во сне он был уже взрослым. Мать стояла у плиты и что-то мешала в огромной черной кастрюле. Длинные рыжие волосы колыхались от движений, пока она тянулась к солонке, отмеряла порцию соли и сыпала ее в еду.

Она развернулась к нему и любезно произнесла:

– Обед почти готов. Садись.

Приветливой Гертруды Дэш боялся больше, чем утонуть. Когда мать себя так вела, это означало, что где-то рядом притаилась опасность. Он проследил за ее жестом. Вместо обеденного стола стоял верстак с деревянными досками, заляпанными бурыми пятнами. Запекшаяся кровь посветлела, на поверхности выступили свежие капли, стали собираться в ручейки и потекли на пол, превращаясь в поток. Напротив стояла взрослая и невыносимая версия Эштон и держала в руках лопату. С лопаты срывались комья земли и падали в лужи крови. Кровь и грязь смешивались у ног Эштон и текли к Дэшу. Он посмотрел под ноги – кровь заливала кроссовки.

Он утонет в любом случае. Вода и кровь поглотят его и оставят одного на темном холодном дне.

– Ты охотник, Дэшфорд. Это у тебя в крови. – Мать постучала ложкой по краю кастрюли. – Но сейчас ты позволяешь поймать себя в ловушку.

– Я давно в ловушке, – хотел сказать Дэш, но слова превратились в воду, едва он открыл рот. Воды становилось больше, она поднялась до колен. Каждое его слово только приближало неизбежное.

Мать стучала и стучала ложкой по кастрюле, все громче и сильнее. Звук отдавался в голове гудением и постепенно заполнял весь мир. Бух! Под ногами завибрировал пол. Бух! Воздух задрожал. Бух! Все вокруг стало дрожью.

Бух! Бух!

Дэш проснулся.

В окно машины стучали, и Дэш не сразу понял, где он и что происходит, только почувствовал, как Кэп тыкается носом ему в щеку. Стучала шериф Пеннебейкер, и, кажется, уже начала терять терпение, судя по ее недовольному лицу. Было тесно и неудобно. Он ударился локтем о руль, а от движений разболелись ребра. Да что за?.. Точно! Вчера он не рискнул ночевать в доме и заперся в машине вместе с псом. Кэп ждал рядом, когда хозяин проснется. На улице рассвело. Ружье лежало под сиденьем, там, куда Дэш положил его вечером. Наушники сползли с головы.

Шериф что-то бесшумно выговаривала, продолжая стучать. Дэш опустил стекло.

– ...слышал весь город, мистер Холландер. Я опросила всех в округе, остались только вы. Что у вас тут случилось? Это вы стреляли?

Убийство рыси может стать проблемой: лицензию на охоту в округе Макино Дэш не получал, а отстрел животных, насколько он знал, был запрещен. Тело скоро где-нибудь всплывет, и отнекиваться будет глупо.

– Прошу прощения, шериф, – прокашлялся Дэш, – ко мне вчера забрела рысь. Она была агрессивна, пришлось ее убить.

Шериф приподняла тонкие брови и сухо уточнила спустя пару секунд:

– Она на вас напала?

– Да, мэм. – Дэш ощутил настойчивое желание вытянуться по струнке и отдать этой женщине честь. Даже захотелось посмотреть, как шериф отреагирует.

Он с трудом выбрался из машины и попытался выполнить по крайней мере первый пункт, но чертовски болели ребра, да и спина затекла от долгого сидения.

Кэп, воспользовавшись возможностью, выскочил из двери и убежал в лес справлять свои дела. Дэш хотел его удержать – мало ли, может где-то бродит еще парочка сумасшедших кошек, – но пес уже скрылся в зарослях.

– Вот у меня и доказательства есть. – Дэш задрал рубашку, продемонстрировав криво наклеенный пластырь. Из-под него виднелись царапины – следы когтей.

Шериф шумно вздохнула и сжала зубы. Вид у нее был скорее удивленный, чем обеспокоенный, и Дэш понадеялся, что она не начнет приставать к нему по поводу врачей.

– Вам требуется медицинская помощь? – поинтересовалась она.

– Нет, мэ.м.

Она поморщилась и поправила:

– Шеф. Шеф Пеннебейкер.

– Прошу прощения, шеф.

– В любом случае навестите нашего доктора Бёрна. Вдруг у рыси было бешенство. – Шериф помолчала, изучая Дэша через прищуренные глаза. – Странный случай. Рысь не нападает на людей без причины. Что вы сделали?

– Боюсь, что ничего. Просто вернулся домой.

– Вы заперли дома ее детеныша? Разорили логово?

– Никак нет, шеф.

– У вас есть лицензия на охоту?

Дэш колебался всего секунду. На такую охоту не было.

– Никак нет, шеф.

– А разрешение на оружие?

– Да, шеф.

– А свидетели, которые могут подтвердить вашу версию?

Дэш прокашлялся, скрывая смех. Ему учинили самый настоящий допрос. Вполне вероятно, шерифу скучно в маленьком городке, а инцидент позволил вспомнить, что она страж правопорядка и не зря ест свой хлеб.

– Я арестован, шеф? – любопытствовал Дэш. Смерть рыси его не радовала, но, выбирая между рысью, собой и Кэпом, он бы снова не колебался. – А то у меня ощущение, что вы мне не верите. Поедем в участок?

Шериф поморщилась.

– Мне нужны подсказки, которые объяснят причину ее нападения и позволят отчитаться перед охотничьим комитетом. Вдруг это повторится, и пострадают жители города. Вдруг у нее бешенство? Если же действительно виноваты вы, мистер Холландер, вам придется заплатить крупный штраф. Может быть, у вас есть догадки, почему на вас напал зверь?

Вчера, пока он промывал раны Кэпа, а потом царапины себе, у него созрела одна версия, но озвучивать ее он не собирался. В поведении рыси могла быть виновата тварь, но как это проверить? Если он заикнется о таком, ему все равно не поверят. В лучшем случае подумают, что он не в себе.

– А давайте правда в участок, – предложил Дэш. Может, слух о его аресте отведит от него мисс Хлюю, и она решит, что он неподходящая партия для ее подопечной. – Снимем свидетельские показания с моего пса.

Взгляд шерифа покрылся коркой льда.

– Я слежу за вами, мистер Холландер, – холодно произнесла она. – В моем округе не принято убивать животных.

– Есть, мэ.м. То есть шеф. Никогда больше, шеф. Прошу прощения, шеф. – Дэш наконец отсалютовал и насладился ее сухой усмешкой. – Спасибо за бдительность.

– Почему вы спите в машине? – уже более миролюбиво спросила она. – Хотите я организую вам доставку мебели?

Дэш чуть не застонал от ее назойливости.

– Не стоит. Думаю, я закажу по каталогу из Макино. И на сегодня я планировал уборку. – Пока она не предложила помощь и с этим, он быстро добавил: – Люблю убираться сам, не торопясь, тщательно. Я, знаете ли, очень щепетилен в вопросе чистоты.

Она прищурилась, будто взвешивая его слова, и окинула взглядом колеса и капот. Неужели оценивает чистоплотность по грязи на машине? Дэш испытал легкое раздражение и даже небольшую неловкость: машину последний раз он мыл пару недель назад. Шериф холодно улыбнулась и спросила:

– У вас есть медицинская страховка?

Дэш кивнул, внутренне содрогнувшись от предположения, что ему сейчас начнут впаривать страховку. Шериф направилась к своей машине, а открыв дверь, обернулась:

– Я позвоню доктору Бёрну, скажу, что вы сейчас подъедете. И не забудьте, сегодня после обеда к вам приедут чистить колодец.

– Хорошо, шеф. Не забуду, – кивнул Дэш.

Эта женщина собирается планировать каждый его день? Видимо, такова особенность любого жителя глубинки – навязчивое желание завести знакомство с новым человеком, только каждый действует, как может: кто-то зовет в гости, а кто-то чуть что заявляется сам.

Шериф наконец уехала, и Дэш выдохнул. С такими назойливыми соседями могут возникнуть трудности.

Сейчас, при свете дня, Дэш осознал, что действительно испугался вчера, но не рыси, а того, что случилось после того, как он упал в воду. Он поежился: толчок между лопаток ощущался до сих пор.

Эштон не верила, что он справится без нее, и оказалась права. Вчера он должен был умереть, но чудовище его не убило. Почему? Такое поведение не вписывалось в его представления о них, как не вписывались и могилы, при условии, что их выкопала дочь Ривердейлов. Она вообще никуда не вписывалась.

Гул мотора шерифа затих. Дэш свистнул Кэпа – нечего ему одному шататься, – и проверил карту. Амulet молчал. Она снова ушла, затаилась где-то в воде.

– Кэп, давай-ка посмотрим, что тут у нас. – Дэш проверил его заগ্রивок – туда ткнула рысь. Он очень боялся воспаления в таком сложном месте. Похоже, зубы только проткнули кожу, если и задели мышцы, то совсем чуть-чуть. Кровь больше не шла, да и Кэп выглядел бодро и резво скакал. В отличие от его хозяина. – Сегодня съездим в город вместе. Забирайся.

Кэп запрыгнул на пассажирское сиденье.

– Попросим у врача антибиотиков для тебя. Надо купить обезболивающее и батареек для плеера. – Дэш завел мотор и медленно вырулил с поляны. – Еды еще. А знаешь, чего мне безумно не хватает?

Кэп вопросительно гавкнул.

– Кофе. Горячего кофе, чтобы язык обжигало. Интересно, найдем мы здесь приличную кофейню?

Кэп завилял хвостом и, радостно свесив язык, уставился в окно – наблюдать за мелькающими деревьями да дорожными знаками.

– Как думаешь, почему она не дала мне утонуть? Может быть, задумала какой-то особый ритуал убийства? Думает, я ее отпущу. Наверняка чует Охотника рядом и планирует западню, усыпляет бдительность. Мелкая коварная тварь.

Машина подпрыгнула на кочке, и Кэп чуть не слетел с сиденья. Потом встряхнулся и снова радостно твякнул. Дэш мог бы поклясться, что пес улыбается. Где же раздобыть такую легкость жизни?

– Да, вот поэтому ты мне так нравишься. За твой неиссякаемый оптимизм.

Доктор оказался на редкость молчаливым малым. Общение с ним свелось к нескольким дежурным фразам, что несказанно порадовало Дэша. После прививок, оставив Кэпа в машине с опущенными стеклами, Дэш быстро заскочил за продуктами и батарейками. Очень уж он не хотел натолкнуться на мисс Хлою. Аптека в Сейнт Игнас обнаружилась только одна, она же была совмещена с кофейней на три столика. Несмотря на самое подходящее для завтрака время, столики пустовали. Внутри пахло кофе и чем-то неуловимо аптечным, вроде ментола, пахло так сильно и резко, что Дэш взбодрился уже у входа.

– Мистер Холландер, добро пожаловать, – раздалось от прилавка. Розовощекий парнишка в белом халате сиял как начищенный коллекционный дайм. – Вы за лекарством или только кофе попить?

– И то и то, – вздохнул Дэш. Каждому встречному и поперечному известно его имя. – Черный. Спасибо.

Парнишка обрадовался и потянулся к стаканчикам.

– Вам с собой или у нас посидите?

– С собой. И обезболивающее. – Дэш протянул рецепт.

– Ага! Еще и антибиотики. Сейчас, сейчас. – Парнишка принес лекарство, поставил его на прилавок и завозился у кофемашины.

Дэш удивился. Даже в столице не в каждой кофейне увидишь такой агрегат, а уж встретить его в захолустье и вовсе удивительно. Главное, чтобы не заправляли соевым или овсяным молоком. Экстравагантным ценителям, которые разорились на кофемашину, почему-то частенько хочется испортить нормальный кофе нелепой бурдой.

– Как планируете отметить День Благодарения? Приходите к нам. Мы живем на Ривер-стрит, в желтом доме. Его тут называют Канареечным. Мама будет рада. Моя сестра печет такие кексы, пальчики оближешь. И сама делает фадж, куда там всяким ярмаркам.

– Очень любезно с вашей стороны, – пробормотал Дэш. Он даже удивился, что парнишка не достает бумагу и карандаш, чтобы написать ему адрес, видимо, потому что готовит кофе и руки у него заняты.

– О, а вот и мисс Хлоя! – воскликнул парнишка, бросив взгляд на улицу. Любезность при этом с него резко сошла, а у Дэша упало сердце уже от одного имени.

Звякнул колокольчик на двери. Кофе шипел и лился в стакан, уйти прямо сейчас Дэш никак не мог.

Парнишка хитро посмотрел ему за спину, нагнулся и заговорщически прошептал:

– Мисс Хлоя утверждает, что лучший фадж в Макино, но вы ей не верьте. Лучший фадж делает моя сестра.

Мисс Хлоя уже подошла к прилавку, поэтому все услышала. Она поморщилась и сухо сообщила:

– Я ничего не утверждаю. Я лишь сообщаю истину. Доброе утро, мистер Холландер. Нам как обычно, Генри.

Парнишка насупился. Наверное, обиделся за сестру.

Приблизилась Бека, словно привязанная к мисс Хлое. Ее немытые волосы поблескивали в утреннем свете, а алкогольный шлейф благоухал ярче.

– В прошлом году вы утверждали, что дом Беккетов сторел из-за неполадок с проводкой, а шериф сказала, что это поджог, – пробормотал парнишка, доставая чашки с полки.

– Не пережги кофе на этот раз, – холодно отчеканила мисс Хлоя и повернулась к Дэшу. – Говорят, на вас вчера напал зверь? Очень прискорбно слышать о таком. Вы не пострадали?

– Спасибо за заботу. Все в порядке. – Дэш забрал с прилавка пачку обезболивающего, что, конечно, не укрывало от цепкого взгляда мисс Хлоя.

– Да все из-за бешенства, – снова решительно встрял парнишка. – Зараженная рысь вполне может напасть. У нас тут периодически случаются эпидемии бешенства у животных.

– А вы уже провели вскрытие животного и нужные анализы, мистер Полсон? – крайне нелюбезно поинтересовалась мисс Хлоя. – Зачем же вы утверждаете то, чего не знаете?

Парнишка явно с трудом сдержал возмущение, покраснел и шумно выдохнул. Дэш с интересом ждал, как тот выкрутится, хотя больше ему было интересно, как так быстро они пронюхали о рыси. Шериф узнала от него, а он уехал сразу за ней. Она позвонила доктору, а потом и всем остальным жителям города? Или доктор всем названивал? Вроде не похоже на него.

– А фадж моей сестры лучший, – пробормотал парнишка, ставя перед Дэшем его кофе.
– Кофе сегодня не удался. Бека, думаю, нам пора, – заявила мисс Хлоя.

Бека растерялась. Она явно рассчитывала на чашечку.

Тут Дэш всерьез обеспокоился, что его порцию ему выпить не дадут. Мисс Хлоя способна вырвать стакан из рук, прикрываясь сожженными зёрнами или плавающим на поверхности волоском. Он быстро расплатился, схватил кофе и ринулся к выходу.

– Мистер Холландер, не слушайте этого сплетника, сроду у нас бешенства не было. – Мисс Хлоя пошла за ним, пристроилась рядом и решительно зашагала в ногу. Откуда в хрупкой старушке столько сил? Бека еле поспевала следом. – Хорошо, что мы вас встретили. Мы с Бекой собираемся в Алленвилль, ей нужен новый водонагреватель. Поможете подобрать? Мы в этом ничего не смыслим.

Что ж, кажется, секрет немых волос Беки прояснился.

Впрочем, гораздо сильнее его занимало другое. Чудовище убило почти всю ее семью. Видела ли она чудовище? Что именно произошло с ее отцом и при чем тут мертвые птицы? Никогда раньше Дэш не слышал, чтобы эти твари убивали птиц или заговаривали животных. И что из всего этого выдумки?

– Знаете, десять лет назад в Алленвилле объявился сексуальный маньяк. Его так и не поймали. Вдруг он все еще шастает по округу? Страшно ехать туда без сопровождения. – Мисс Хлоя горестно всплеснула руками.

Дэш представил ее в одной комнате с маньяком и посочувствовал последнему.

– А что со старым водонагревателем? Хотите я посмотрю?

– О! – У мисс Хлоя от неожиданности округлились глаза, но она тут же заулыбалась. – О, конечно, приходите. Правда, Бека?

– У вас ведь есть инструменты? – спросил у Беки Дэш, наблюдая, как ее щеки заливают румянец. Хорошо бы отвести мисс Хлою, чтобы поговорить с Бекой наедине. – Какие-нибудь? Хоть какие-то?

Бека растерянно моргнула, но тут мисс Хлоя нашлась:

– У нее есть инструменты. Будут. Мы найдем.

– В таком случае ждите меня завтра, – пообещал Дэш. Он собирался приехать к Беке сегодня же и надеялся, что мисс Хлоя не поселилась у своей подопечной и хоть изредка оставляет ее в покое.

Мисс Хлоя разулыбалась, а Дэш направился дальше. Если они пойдут за ним, придется свернуть в магазин одежды и притвориться, что покупает себе нижнее белье. Не будут же они смотреть, как он выбирает трусы, а терпеть мисс Хлою еще хотя бы минуту он точно не хотел. Она осталась у входа в аптеку и крикнула вдогонку:

– Вы так любезны, мистер Холландер. Бека, скажи мистеру Холландеру «До завтра».

Дэш глотнул кофе и поперхнулся. Жуткая гадость – какая-то жженная горечь. Проходя мимо магазина одежды, он бросил стаканчик в урну.

В машине по дороге обратно он размышлял о твари, поселившейся в озере, перебирал в уме то, что успел выяснить. Судя по газетным сводкам, за последние несколько лет здесь погибло еще с десятков рыбаков и несколько местных, которых понесло купаться ночью. Наверняка ее рук дело.

Утонувшие рыбаки, возможно, тоже, хотя вероятнее, что они утонули по пьяни. Парнишка из кофейни упоминал пожар в доме Беккетов, но к этому она непричастна. Они не играют с огнем, не их стихия. А вот что случилось здесь девять лет назад и как на самом деле умерли отец и сын Селзники, стало любопытно.

Наконец, мисс Хлоя обмолвилась о сексуальном маньяке из Алленвилля, но это Дэш отмел сразу – никакой связи с чудовищем из озера.

Как она выживала эти девять лет? Совсем ребенок. Хотя сейчас ей уже лет семнадцать или даже больше. Она не следует инстинкту и не убивает удачно подвернувшуюся жертву, упавшую в озеро, плетет ожерелья из ракушек, ночует в доме своего детства и хоронит семью.

На крыльце дома Ривердейлов Дэш еще раз проверил карту, поведив над ней амулетом. Тишина. На всякий случай прислушался к себе, прощупал свои желания: хочет ли он сделать что-то несвойственное себе, помнит ли себя. Тварь из озера может внушить что угодно.

Не заметив ничего необычного, он все же надел наушники, включил музыку и взял в руки ружье. Перестраховаться не помешает. Потом открыл дверь в дом и зашел в гостиную. Пыльная лампа тускло мерцала под потолком. Шериф не обманула, теперь у него действительно будет свет. Дэш прошел по коридору до кухни и щелкнул выключателем.

На столешнице около раковины притаилась змея. Подняла голову, высунула язык и уставилась на Дэша немигающими глазами.

Он медленно отступил назад. Вроде бы ядовитые змеи разноцветные и с треугольной головой. Буро-зеленая чешуя блестела в зыбком свете синим и желтым, даже цветом морской волны, а голова была скорее квадратная. Или треугольная? Что там было про глаза? У ядовитых вроде зрачки вертикальные, но с такого расстояния видно не было. Змея, не мигая, смотрела желто-зеленым глазом, потом медленно повернула голову и посмотрела другим глазом. Дэш отступил еще, змея никак не отреагировала, а застыла, гордо изогнувшись и поблескивая в тусклом свете. Ее поза и глубокомысленный взгляд словно бы говорили: «Пусть я незваный гость в этом доме, но, посмотрите, какой чудесный нынче день».

Дэш отступил еще, почти зашел за угол кухни, но тут змея неожиданно соскользнула на пол. Дэш отпрыгнул в коридор и приложился локтем об стену. Змея резво прошуршала мимо и скрылась в полутьме коридора. Звук отлично подходил дому – тихий шелест.

Дэш осторожно пошел следом. Змея спокойно ползла к веранде со стороны озера и, судя по ее поведению, была здесь частым посетителем. Возможно, считала жилище своим. У выхода на веранду она остановилась и обернулась, словно звала за собой. Разве змеи так себя ведут? Из коридора прибежал Кэп и оцетинился, увидев незваную посетительницу. Дэш шикнул на него. Змея, не теряя достоинства, исчезла где-то под полом. Может, у нее там детки?

Будет тут шастать. Если бы точно знать, что не ядовитая, а так черт ее знает. Может, тут лаз? На пыльном полу остался след от ее тела. Он обрывался там, где доска лежала неровно, словно завалилась набок. Дэш поддел ее балисонгом, и она легко приподнялась, но там оказался не вход в змеиное гнездо, а пыльная ниша, заполненная гильзами.

Ого! Целая россыпь лежала в нише под доской и выглядела так, словно ее специально сюда сложили. Вряд ли это сделали отец и сыновья Ривердейлы после того, как их расстреляли.

Из наушников на шее доносилась тихая музыка. Едва слышные голоса пели о расовых предрассудках, а Дэш думал о смертях в этом доме. Отца и сыновей убили, потому что они не желали следовать правилам. Они защищали ту, кого следовало уничтожить.

Или она сама их убила.

Впрочем, у Дэша родилась еще одна версия: младшая дочка Ривердейлов вполне могла быть психически больным ребенком, мешать соседям, мучить родителей, проявлять агрессию. Возможно, ее семья уехала из-за этого, а чудовище из воды не имеет к ней никакого отношения.

Дэш выпрямился, и взгляд его упал на стену. На крючке висело ожерелье из ракушек, и с него по выцветшим обоям стекали капли воды.

Чудовище сделало ему подарок.

Глава 6. Секрет жизни

*Все участвующие в создании
легенды являются одновременно
и обманщиками, и обманутыми.
Эрнест Ренан*

В детстве Дэш редко видел мать. Почти все время она пропадала в командировках, а когда приезжала домой примерно на неделю в месяц, то тоже все время была занята: заплатить по счетам, договориться с сантехником, найти мастера, чтобы починить измельчитель на кухне. Хорошо хоть садом занималась бабка, иначе матери не оставалось бы времени даже на сон. Впрочем, у Гертруды Холландер было занятие, которое конкурировало и с этим, – готовка.

Когда Гертруда Холландер готовила, она попадала в родную стихию. Она возвела приготовление пищи в ранг культа, обзавелась посудой всех известных и возможных форм и размеров, кастрюлями, мясорубками, блендерами, формочками для выпечки, казанами, дорожкой печью с функцией гриля, духовым шкафом, пароваркой, рисоваркой. Бабка даже не лезла во все эти таинства, не понимая назначения и половины.

Когда Гертруда Холландер готовила, весь остальной мир для нее исчезал. Тогда она не слышала ни стука в дверь, ни звонка телефона, никого и ничего не видела.

Когда Гертруда Холландер готовила, на кухню никто не заходил, чтобы не получить ворох оскорблений.

Продукты она всегда выбирала сама, отбраковывая по только ей одному известному принципу. Никому из домашних еще ни разу не удалось угодить ей с покупками. Впрочем, кроме матери, никто в их семье готовить не любил, зато та, как бы сильно ни уставала, в каком бы состоянии ни находилась, не выходила из кухни, пока не забивала холодильник. Иногда на это уходили целые сутки, а то и больше, потому что неудачные соусы, подгоревшее мясо или переержанные смеси для пирогов безжалостно выбрасывались, и все начиналось сначала. Иногда Дэшу казалось, что она просто физически не может остановиться и теряет волю рядом с плитой и выложенными рядом продуктами, и отпускает ее только когда в холодильнике не останется свободного места.

Что ж, каждый справляется со стрессом по-своему. Это был метод Гертруды Холландер.

Жаль, мне не довелось попробовать результат ее готовки. Уверена, он впечатлил бы меня больше, чем подгоревшие блинчики Дэша в форме головастика или сырники с оливками, которые он требовал считать мышами. Хотя мыши и головастики тоже неплохо снимали стресс.

Сентябрь 1985

После нападения на маму они переехали в новый дом. Позади остался шумный Ипси-ланти с его широкими улицами, теперь пристанищем стал тихий пригород сонного зеленого городка Хоннакон. Еще в Ипсиланти у Дэша начались кошмары, в которых он превращался в бурое склизкое чудовище и убивал маму, но новая школа и новые впечатления почти похоронили страх. Теперь он все реже боялся, что его отдадут в другую семью, все реже просыпался по ночам, пытаясь сбросить послевкусие кошмаров. Они поутихли.

Вот уже три года, как Дэш подчинил свою жизнь простому правилу: не вызывать недовольство даже мелочью. Его устраивало, что Эштон с утра до вечера пропадала на учебе, а

значит, именно он отвечал за домашние дела, был в этом главным. В одиннадцать лет Дэш под руководством бабушки вешал занавески, чинил просевшие шкафчики, скрипучую лестницу и покосившиеся двери, ездил на велосипеде по ее поручениям в магазин и аптеку, убирался в комнатах, кроме тех, куда заходить запрещалось.

Переезд тяжело сказался на бабушке. Она все чаще плохо себя чувствовала, жаловалась на боль в спине и раздражалась, но мама по-прежнему уезжала в командировки, так что дом держался на Эйзел – она готовила, стирала, занималась покупками и ухаживала за садом.

Дэш все никак не мог забыть тот подслушанный разговор, ведь в нем говорилось не только об усыновлении, но и о том, что из-за Дэша маме приходится выполнять какой-то безумный план, – бабушка тогда использовала именно это слово, – а значит, много работать. Согласится ли мама на его помощь? И в чем она может заключаться? Он понятия не имел, чем мама занимается. Все, чего удалось добиться от бабушки, сводилось к туманным словам – семейный бизнес.

В тот день мама должна была вот-вот вернуться из командировки, и бабушка торопилась приготовить ужин, оставив Дэша разбирать коробки в кладовке на втором этаже. Две штуки осталось еще после переезда. Они так и стояли эти три года, и Дэш рассудил, что туда сложили что-то ненужное, но спорить не решился. Он вскрыл одну с надписью «Холл» и заглянул внутрь. Конечно, всякий хлам и безделушки, из тех, которые бабушка любила развешивать по стенам и расставлять на журнальных столиках: черно-белые гравюры с пейзажами, вазочки для сухоцвета и статуэтки, изображающие животных.

Внизу зазвонил телефон. Дэш ринулся по лестнице, но все равно не успел, трубку взяла бабушка, Эштон не успела всего на секунду. Звонила мама. Бабушка послушала и передала Дэшу и Эштон, что мама не успевает вернуться к ужину и переночует в городке под названием Петоски.

– Конечно, Гертруда, и правильно, нечего ехать ночью, – согласилась Эйзел. – Поспи в мотеле и возвращайся завтра.

Дэш хотел поговорить с мамой, но Эштон вырвала трубку у бабушки и радостно затараторила:

– Мама, сегодня на физкультуре я пробежала быстрее всех. Мне дали медаль. И еще меня позвали на соревнование округа по стрельбе из лука. Ага, представляешь! Да...

Дэш, который нетерпеливо ждал своей очереди, потянулся к трубке, но сестра отпихнула его и отвернулась.

– Ой, мам, я буду участвовать в спектакле, мне нужно платье в стиле двадцатых. И шляпка. Я спросила у мисс Грин, она сказала, что в школьном гардеробе такого нет... – Эштон выслушала, что ответила мать, и обрадовалась. – Конечно, давай съездим...

Дэш очень хотел поговорить с мамой, рассказать про контрольную по-английскому, которую сдал на отлично. Бабушка к тому времени уже вернулась на кухню, и их некому было рассудить. Он потянул трубку за провод. Эштон зашипела на него.

– Тренер Бун сказал, что я могу попробовать сдать экзамен на оранжевый пояс. Думаешь, попробоваться? Не рано?

Дэш совсем потерял терпение и еще сильнее потянул за провод, но Эштон оттолкнула его. Дэш налетел на тумбочку с телефоном. Телефон не удержался и свалился на пол, звякнув при ударе.

– Мам? Алло! Мам? – Эштон растерянно посмотрела на замолкшую трубку, а потом перевела на Дэша яростный взгляд. – Ты что сделал? Бабушка, – закричала она, – он телефон сломал!

Дэш испуганно поднял аппарат с пола. Верхняя пластиковая крышка отлетела от корпуса, обнажив нутро с разноцветными внутренностями. Он сам не ожидал, что так выйдет, и теперь растерянно застыл.

– Да что же такое? – Бабушка выглянула с кухни, подошла и всплеснула руками. – Да что за безобразие. Дэшфорд! Ты вечно все портишь!

– Я не ломал! – возмутился Дэш. – Эштон не дает поговорить с мамой.

Бабушка рассердилась и вырвала у него из рук телефон:

– Теперь никто с ней не поговорит! Дэш, уйди уже с глаз моих!

– А что я? Это Эштон!

– Я? – возмутилась сестра.

– Ты меня толкнула! Это из-за тебя!

– А вот и нет!

– Сгинь! – рассердилась бабушка и махнула на Дэша рукой. Она пыталась приладить крышку обратно. – Иди разбирай коробки!

Эштон злобно зыркнула на Дэша, и он уставился на нее в ответ, стиснув зубы, чтобы не показать язык, все же он уже взрослый. Несправедливо, что сестре удалось поговорить с мамой, а ему – нет. К тому же Эштон не дала рассказать, что он стал лучшим учеником в классе английского по итогам полугодия, а еще записался на олимпиаду по биологии. Самое интересное он берег до маминого возвращения, не хотел говорить по телефону: учитель рисования предложил Дэшу заниматься серьезнее, с перспективой поступления в художественную школу.

Огорченный Дэш вернулся на второй этаж к неразобранной коробке, выставил все из нее на комод и заглянул внутрь, чтобы проверить, не потерялось ли чего. На дне обнаружился веер. Дэш достал его и восхищенно ощупал находку. Казалось, его сделали из настоящих птичьих перьев – черных, с отливом. На тяжелой костяной ручке не нашлось крючков или петель, чтобы его вешать. Где же он лежал в старом доме? Эта вещица не попадалась ему раньше. Наверное, это мамин веер, затесавшийся не в ту коробку.

Он посмотрел на дверь в комнату матери. Им с Эштон строго-настрого запрещалось к ней заходить, но сейчас ее нет дома, бабушка занята на кухне, а Эштон в саду. Никто не узнает. Он колебался. Ладно, только положит веер и уйдет.

Дэш зашел.

Комната как комната: кровать, шкаф, стол. При входе стояли стеллажи с фотографиями: на одной улыбалась мама, на другой усмехалась бабушка, на третьей морщилась от солнца Эштон. Дэш серьезно смотрел из рамочки – свежий снимок из начальной школы. Нашлись и фотографии двух тетушек и трех кузин, их как-то показывала Эйзел. Лично Дэш не был с ними знаком, потому что мама разругалась с ними много лет назад, и они только поздравляли друг друга с праздниками, перезваниваясь пару раз в год. Дэш не знал, что послужило причиной ссоры, несколько раз спрашивал у мамы, но не смог вспомнить, что она отвечала. Еще на стеллаже стояли рисунки, убранные в рамочки, как фотографии. С них смотрели незнакомые женщины в платьях, перетянутых лентами под грудью, с высокими пучками на головах и веерами в руках. Такими же, какой держал он. Если веер – семейная реликвия, передающаяся из поколения в поколение, ему об этом не рассказали.

На нижних полках стояли книги. Дэш положил веер на полку и вытащил увесистый томик «Основы нефтегазопромыслового дела». Другая называлась «Морская геология». Слово геология ему ничего не говорило, но в книге было много фотографий моря. Дэш сразу почувствовал себя неудобно. Что там можно читать? Он заглянул в оглавление: исследование морского дна, динамика волн и течений, коралловые рифы. Все о том, что где-то в глубине. Эта книга Дэшу тоже не понравилась, и он поставил ее обратно.

Внимание привлекла карта на столе. Он склонился над ней. Вот Канада, США, а вот родная Тонакава. Дэш нашел Ипсиланти, где они раньше жили, и Главные Озера – россыпь маленьких голубых точек. Петоски, в котором сегодня ночевала мама, не обнаружился, видимо, слишком маленький, а вот Хоннакон красовался между тремя озерами почти в центре страны. Рядом с картой лежал листок с записями. Похоже на список фамилий и мест.

«Гейбл – Абердин. Дункан – Джеймстаун. Коллиер – Кеноси Лейк. Холландер – Бодётт...»

Холландер! Дальше шли еще фамилии и места, но Дэш их уже не видел. Что за Бодётт? Он поискал на карте, отодвинув мешавший розовый камешек на шнурке, и нашел такой город в штате Миннесота, США. Насколько он знал, родственников у них там нет. По материнской линии нет. Может быть, речь о его отце? Дэшу безумно хотелось с ним познакомиться и рассказать о своем существовании. Ведь совершенно очевидно, что этот человек, кем бы он ни был, ничего не знает ни о нем, ни об Эштон, иначе уже давно бы приехал. Если он такой же, как Бравый Капитан, то он лучший отец в мире.

Дэш положил камешек на место, и внутри него шевельнулся туман. Дэш приподнял подвеску за шнурок, чтобы рассмотреть поближе. Камешек, похожий на драгоценный, был вставлен в металлическую оправу, а к оправе приделан шнурок. Внутри клубился, словно в водовороте, розовый туман – еще немного, и засосет сам себя. Он развернулся целой радугой оттенков от красного до фиолетового. Дэш вспомнил картинку из детской книжки, там была похожая штука. Ее называли ведьмовским камнем. Вдруг это что-то похожее? Он с восхищением рассматривал красоту на свет: водоворот внутри все не заканчивался и не заканчивался, вращался и вращался, и Дэшу уже казалось, что сам он вращается вместе с ним, проваливается в яркий вихрь. Стены комнаты растаяли, а Дэш падал в центр воронки, на дне которой таилось что-то важное...

– Ты что тут делаешь?!

Гневный возглас разрушил наваждение.

Дэш заорал от боли, когда бабушка схватила его за ухо и не церемонясь стряхнула со стула.

– Материны вещи трогать нельзя! И заходить в ее комнату! Нельзя! Я же тебе много раз говорила! Бестолочь!

Эйзел ругалась, не отпуская его ухо, и волокла к выходу. В попытках не лишиться части тела, Дэш скакал за бабушкой.

– Любопытство кота сгубило и тебя сгубит! Я матери расскажу, что ты олух непослушный, вот ей-то несладко будет! Никогда!.. Слышишь, чтобы никогда ноги твоей тут не было! – Она вытолкала его в коридор и с силой захлопнула дверь. Дэша аж ветром обдало. – Господи, за что же мне такое на старости лет!..

Эйзел причитала и причитала за дверью, а испуганный Дэш вжался в стену напротив и застыл, пытаясь унять колотящееся сердце. Ухо горело огнем, но не меньше жгла обида. Что он такого сделал? Всего лишь зашел в комнату мамы. А Эштон вообще с ней даже поговорить не дала!

Он ощущал себя лишним и чужим.

За три года после переезда в Хоннакон Дэш и Эштон облазили весь дом в поисках чего-нибудь любопытного, что могло остаться от прошлых хозяев. Дэш нашел несколько медицинских энциклопедий и атлас внутренних органов и изучил их от корки до корки. Он старался поменьше попадаться на глаза бабушке и маме и все время проводил за книгами, неожиданно для самого себя осознав, что ему нравится разбираться в тонкостях анатомии.

Эштон захотела собаку. Ей купили кокер-спаниеля – рыжего ушастого шалуна, который первые несколько месяцев переворачивал дом вверх дном: вываливал все из ящиков, стягивал с кресел покрывала, а с диванов подушки, по сто раз на дню опрокидывал мусорное ведро дома и баки на улице. Бабушка ругалась до хрипоты, угрожала вышвырнуть щенка из дома или вызвать ветеринарный контроль и усыпить хулигана, но Эштон каждый раз находила к ней подход и умасливала: то помогала с уборкой, то в саду с цветами, а то натирала ей спину воючей лечебной мазью. К тому же сам щенок, когда понимал, что провинился, строил такую

умильную мордашку, что становился похож на херувимчика из тех книг, что Эйзел давала читать на Рождество. В такие моменты ему прощали все.

Предполагалось, что его назовут Бандит, но так как он везде лез и все опрокидывал, прижилось имя Енот. Именно собака стала тем переломным событием в жизни, когда Дэш осознал, что они с сестрой не едины, а совершенно разные.

Собаки сами выбирают себе хозяина, и Енот выбрал Дэша. Просил его с ним гулять, приносил свои игрушки и требовал еду. Дэш чесал ему живот, теребил уши и читал вслух. Эштон пыталась его дрессировать: учила охранять, подавать голос, лежать, садиться и атаковать. Еноту все это было до лампочки, он просто хотел играть. Эштон пыталась заставить собаку спать в ее комнате, но каждый вечер Енот, дождавшись, пока она заснет, приходил к Дэшу. Утром Эштон бесилась.

Дэш пытался отвести собаку из своей комнаты, чтобы не ссориться с сестрой: закрывал дверь, выгонял его, даже ругал, но, видимо, делал все недостаточно убедительно, потому что щенок и не думал обижаться, – ходил за Дэшем как привязанный и начисто игнорировал все попытки Эштон с ним подружиться.

Уже позже у Дэша родилось предположение, почему у сестры и Енота не сложилось. Дело в том, что они не подходили друг другу. Кокер-спаниель – маленькая веселая собачка, которая приносит в мир легкость и радость. Эштон с возрастом сама становилась похожа на собаку, но не на такую, как Енот, а на гончую, яростно стремящуюся к цели и сметающую на пути все препятствия. Назвать ее веселой язык не поворачивался. Конечно, кокер-спаниель не вписывался в образ, ей подошел бы, скорее, аргентинский дог. Пожалуй, Енот ее даже немного боялся, понимая, что не из той лиги.

Эштон все больше вытягивалась, решительнее открывала двери, громче говорила, все тверже знала, чего хочет в каждый момент жизни. Длинные черные волосы она собирала в высокий хвост без единого выбивающегося волоска и всегда носила брюки. Обманчиво худые руки и ноги на самом деле состояли из каменных мышц – результат многолетних занятий гимнастикой, карате и плаванием, а меткость Эштон стала легендой в их школе. Конечно, она же несколько лет училась стрелять из лука. Эштон ездила на спортивные слеты округа, занимала первые места в детском троеборье, за нее сражались тренеры женской лиги лучников и местная федерация бегового спорта. Каждый прочил ей успех, и она благосклонно принимала всеобщее поклонение, все больше убеждаясь в своей исключительности. Но Эштон была не из тех, кто на волне популярности легко заводит знакомства и становится самой трендовой личностью в школе. Напротив, она держала всех на расстоянии, существовала словно бы сама по себе, над всеми, и казалась вполне счастлива. Общительность и приветливость, в отличие от гибкости, ловкости и скорости, явно не стали ее сильными чертами. Она приближала избранных, а потом с легкостью от них избавлялась.

Когда Эштон заходила в незнакомое помещение, она, как та самая гончая, будто бы обнюхивала его и оценивала на опасность, а потом с пристрастием осматривала любого незнакомца в поле зрения. В кино и закусовых с сестрой Дэш иногда чувствовал, что он пришел туда вместе с телохранителем, и сам иногда ее побаивался.

С Енотом было спокойнее. Он забирался к Дэшу на кровать, и они часами рисовали или читали. Вернее, рисовал и читал Дэш, но и Енот активно участвовал в процессе: норовил разлить емкость с водой, сваливал баночки с краской и хватал зубами кисточки. Книжки он тоже то и дело порывался сгрызть, так что приходилось убирать все на верхние полки. Енот любил, когда ему читали вслух. Сборник афоризмов он выслушал целиком, а вот справочник по анатомии ему отчего-то не нравился. Едва Дэш начинал читать вслух о кровеносной системе или мышцах, пес принимался скулить. Зато Дэш прочел псу сборник афоризмов несколько раз, подолгу размышляя над некоторыми цитатами.

Сестры почти никогда не было дома, бабушка от собаки отмахивалась, и лишь Дэш искренне волновался о том, сыт ли Енот. Он гладил его, возился с ним и играл. Собаке нужен хозяин, которому она могла бы доверять, и таким хозяином стал Дэш. Сестра в конце концов смирилась, даже согласилась с положением дел, признавая, что у Дэша лучше получается быть Еноту верным другом.

В школе Дэш и Эштон обычно держались вместе. Причем сестра иногда допускала ненадолго в их тесный кружок какую-нибудь подружку, а вот Дэшу негласно это запрещалось. Он таскал за ними портфели, покупал им мороженое и водил в кино до тех пор, пока Эштон это было интересно. Потом она давала подружке от ворот поворот, и Дэш снова оставался с сестрой. Она отгоняла от него любого заинтересованного в общении, был ли это одноклассник, набивающийся в приятели, или какой-нибудь местный драчун, – все одинаково получали отставку.

Вскоре Эштон отдали в частную школу в центре, а Дэш остался в школе у дома. Сестру забирал автобус раньше, чем Дэш вставал, и теперь они почти не пересекались, зато все выходные проводили вместе: катались на велосипедах, гуляли с Енотом, ходили в кино или на ролл-дром.

После того как Эштон перевелась, у Дэша в школе все пошло не так.

– Сестричка Холландер, – со смехом приветствовали его одноклассники утром в коридоре.

– Тебя на Школьный Совет не звали, – захлопывали перед ним дверь конференц-зала.

– Место занято, – говорили ему на тематических вечерах в актовом зале.

Дэш вздыхал и отправлялся в столовую вместо Школьного Совета, или пристраивался у стенки и стоя смотрел двухчасовую пьесу, которую ежегодно ставили старшекласники.

Он не научился заводить приятельских отношений, и почти любое общение давалось ему с трудом. Без Эштон он не знал, что делать.

Бабушка не обращала на Дэша внимания, если он сам что-то не спрашивал, а мама постоянно пропадала в командировках. Дэш оказался предоставлен сам себе. Он расслабился – начал опаздывать на уроки, а иногда и вовсе пропускал школу и уходил гулять, посадив Енота в рюкзак. По его мнению, все складывалось удачно: в школу он ходить разлюбил, а его прогулками не интересовались.

Дэш проспал учебу и тихо читал в своей комнате, дожидаясь времени обеда, когда можно будет спуститься и сделать вид, что только что пришел. Он любил оставаться дома на целый день, лениво просыпаться, играть с Енотом и рисовать. У него скопилось столько набросков человеческого тела, что пришлось завести папку и убрать все туда, иначе Енот растаскивал листы по всему дому. Дэш намеревался дочитать книгу и порисовать, прикидывая, что как раз успеет набросать пару зарисовок.

С улицы раздался голос матери, потом хлопнула входная дверь. Потом он услышал Эштон.

Ничего себе! Значит, она тоже прогуливает? Но у нее-то дорогушая частная школа. Чтобы ее прогулять, нужна веская причина.

Голоса зазвучали ближе. Мать с Эштон поднялись по лестнице, прошли мимо его комнаты и затихли. Дэш осторожно выглянул в коридор и долго прислушивался. Бормотание доносилось из комнаты матери. Бабушка наверняка тоже там.

Дэш постоял в холле. Потом набрался смелости, прокрался поближе и приложил к двери ухо. Хрипловатый голос бабки что-то с нажимом рассказывал. Потом он замолк, и зазвучала мама, только вот не удавалось разобрать слов. Дэш опустил на колени – нет, между полом и дверью никакой щелочки. Он тихонечко сбегал за стаканом и аккуратно приставил его к двери.

– ...разделение по участкам... не только мы...

Это бабушка.

– Выбери нож, – ясно произнесла мама. – Это главное.

Эйзел возмущенно заговорила, видимо, не согласилась. Потом чем-то зашуршали. Дэш застонал про себя от досады – что там происходит?

Рядом с комнатой матери спальня Эштон. Если привязать зеркальце к длинной палке и высунуться из окна, то можно будет разглядеть, что они там делают. Дэш на цыпочках побежал вниз и через кухню выбежал на задний двор к садовому домику. Там стояли металлические рейки для ограды – по заказу Эйзел Дэш огораживал ее цветники. Длинные и тонкие рейки высотой полтора метра подойдут. Он схватил одну и ринулся обратно, надеясь разыскать зеркальце у Эштон в ящиках. Девчонки из школы вечно таскали с собой пудреницы и без конца туда смотрелись. За дверью материнской комнаты все еще совещались. Дэш на цыпочках прошел мимо.

В комнате сестры он обшарил тумбочку и комод. Зеркальца не попало. На столе валялись только учебники и тетради, а в ящиках – куча всякого хлама вроде значков, брошюрок со спортивных мероприятий и алюминиевых медалей за победы, никаких зеркал.

Енот проснулся, нашел хозяина, и теперь вертелся под ногами и тявкал.

– Тсс! – замахал на него Дэш, открывая по очереди ящики и шкафчики.

Енот сел и уставился на дверь. Дэш повернулся.

На пороге стояла Эштон.

У Дэша вспотели ладони. Сейчас она наорет за незаконное вторжение и за то, что роется в ее вещах. Нажалется матери, обзовет. Не говоря уже о том, что его вообще не должно быть дома, как, впрочем, и ее. Дэш застыл, ожидая скандала, но Эштон, будто и не заметила вторжения: медленно дошла до кровати и села, смотря перед собой невидящим взглядом. У нее был непривычный вид. Дэш не мог понять – она болеет? ее сейчас стошнит? или голодная?

Что они там с ней делали?

– Эш...

Ноль реакции. Что же такое произошло в комнате матери, что даже Эштон в шоке?

– Ты чего? – Он шагнул к сестре, но она сидела, уставившись в одну точку, и не шевелилась. Он наклонился к ней. С ее лицом тоже было что-то не так: будто Эштон за утро успела сделать пластическую операцию и изменила форму носа или скул. Вроде бы она, но в то же время другой человек. – Что такое?

Эштон молчала. Чуть сильнее нахмурила брови и сжала губы. У Дэша по спине противными мурашками пополз страх. Случилось нечто настолько ужасное, что Эштон не может произнести вслух.

Енот вопросительно поглядывал на всех, дескать, чего вы тут затеяли? А мне рассказать?

– Ну чего ты? – Дэш присел перед ней на корточки и положил руку на коленку, намереваясь дружески потрепать.

Она резким жестом сбросила его руку и уставилась на него со злостью.

– Ты... Ты... – На секунду она будто потеряла контроль над эмоциями и собиралась заплакать или заорать, но смогла это преодолеть. – Пошел вон, – сказала она. Тихо так сказала, спокойно.

Эштон частенько обзывалась и говорила колкости, и Дэш с удовольствием услышал бы сейчас какую-нибудь ядовитую подколку, только бы не видеть холодное раздражение.

Сестра не шевелилась. Он забрал рейку, прислоненную к стене у входа, и замер на пороге, оглядывая сестру. Растерянность! Вот что случилось с ее лицом: Эштон была растеряна, а на его памяти такого с ней не происходило никогда. Дэш стоял, не решаясь оставить ее одну в таком состоянии. Она подняла на него взгляд, рассмотрела с ног до головы, будто видела впервые. В ее глазах отразилось презрение, брезгливость, а еще страх.

Дэш сдержал судорожный вздох. Именно так смотрят на чудовищ, которые вырастают и становятся опасны для своей семьи. Может ли быть, что чудовища стали темой обсуждения в материнской комнате?

– Пошел вон, – твердо повторила Эштон.

Енот гавкнул на нее и потрусил прочь из комнаты.

В коридоре Дэш натолкнулся на мать. Она покосилась на рейку в его руке и нахмурилась.

– Кто-то умер? – спросил он. – Эштон расстроена.

Мать чуть приподняла брови, будто удивляясь такому заявлению.

– С ней все в порядке, – произнесла она и замолчала.

Дэш ждал вопроса. Хоть какого-то. Смотрел на мать, на ее огненные волосы и дорожный брючный костюм, который она не передела, так торопилась позвать Эштон в свою комнату, и безумно желал, чтобы она спросила хоть что-нибудь, вроде: «Дэш, почему ты не в школе?», или «Что делает в доме рейка для садовой ограды?», или «Может быть, ты хотел бы стать врачом?». Он готов дать ей ответ на любой вопрос, если его выслушают. Он расскажет, как отчаянно старается ей угодить, и про страх навредить семье, который разъедает его изнутри. Он изнывал от желания сказать, что любит ее, но боялся услышать в ответ тишину или напоминание об обеде, поэтому молчал. Так они и стояли, рассматривая друг друга.

– Сегодня будем обедать раньше, – произнесла она, обогнула его и направилась к лестнице.

Дэш не дал Еноту просочиться во входную дверь, отнес рейку обратно в садовый домик и, стоя в тени лиственницы напротив кухни, долго наблюдал за матерью через широкое окно. Она суежилась, занимаясь готовкой. Доставала посуду, открывала холодильник, нарезала что-то на разделочной доске, крутилась у плиты. Ее губы шевелились, будто она пела, – не для кого-то, просто так, – и ее настроение Дэш оценил бы как колеблющееся в пределах от «сегодня уже не успею к парикмахеру» до «в среду в обед жизнь в Хоннаконе прекрасна».

Теперь она до позднего вечера будет готовить, а утром встанет ни свет ни заря и продолжит.

Через час, завидев Дэша на пороге кухни, мама произнесла:

– Обед почти готов. Садись.

Зашла Эштон, и на секунду все застыли, уставясь на нее. Она отрезала волосы короче и не собрала их как обычно в хвост. Неровно остриженные пряди висели чуть выше плеч, превращая Эштон в незнакомку. Непривычный образ довершала челка, которая с одной стороны была явно длиннее, чем с другой.

После секундного замешательства мама продолжила расставлять тарелки, а бабушка полезла в духовку за мясом. Эштон уселась на свое место, явно давая понять, что болтать не намерена.

За обедом царил тишина, если не считать стука приборов о тарелки. Мама приготовила салат со стейком и авокадо, мясо по-французски и ананасовый пай. Она превзошла саму себя, настолько было вкусно, но все же Дэшу кусок в горло не лез. Да и Эштон вела себя странно: бросала на него то виноватые, то умоляющие взгляды, будто хотела о чем-то попросить, но не решалась, переводила взгляд на тарелку, а через пару минут снова пыталась привлечь его внимание. В конце концов Дэш уставился на нее, дескать, ну чего тебе, но она только нахмурилась и начала крошить мясо на маленькие кусочки.

– Кухне не хватает бежевого оттенка, – произнесла мама.

Бабушка вздохнула, Эштон вжала голову в плечи, а Дэш едва удержался, чтобы в раздражении не размазать пирог по тарелке.

– Куплю новые занавески, – задумчиво произнесла мама, подкладывая себе еще кусочек ананасового пая.

– Я помогу их повесить, – быстро проговорил Дэш, пока сестра не опередила.

Он покосился на нее, но та уткнулась в тарелку и будто вообще ничего не слышала. Зато на него посмотрела мама. Замерла с ложкой в руке, застыла с легким удивлением на лице, словно не могла припомнить, кто это.

– Конечно, – спустя пару секунд отозвалась она. – Я рада, что ты хочешь помочь.

– Мама, а можно мне поехать с тобой в командировку? – спросил Дэш, воодушевленный ее вниманием.

Бабушка не донесла до рта вилку с кусочком пирога и усталилась на него с таким недоумением, будто он предложил поджечь мэрию, а потом поплясать на дымящихся развалинах. Эштон кинула на маму короткий испуганный взгляд и снова уткнулась в тарелку. Мама отложила ложку и потянулась к салфетке.

– Я хочу помогать, но мне ведь нужно учиться, – продолжал Дэш. – Может быть, я мог бы стать частью семейного бизнеса?

– Господи боже ты мой, что за дичь? – пробормотала бабушка и возмущенно посмотрела на маму, будто спрашивая у нее, что же за безобразие происходит.

Мама промокнула губы салфеткой.

– Дэш, – произнесла она, и он превратился в одно большое ухо, – что ты думаешь по поводу лагеря скаутов? По-моему, чудесная идея провести там все лето. Никаких уроков, только бесконечные развлечения.

Дэш разочарованно откинулся на спинку стула. Во-первых, он сомневался, что мама верно понимает сущность скаутства, обещая бесконечные развлечения, а во-вторых, это не то, что он ожидал. Снова.

– То есть мне нельзя с тобой? – упрямо переспросил он.

– Дэшфорд! Об этом не может быть и речи! – с придыханием воскликнула бабушка, отбросив вилку. Та звякнула о тарелку и упала на пол. – Нечего тебе там делать! Господи, да что же такое...

Она наткнулась на взгляд матери и замолчала, застыв с возмущением на лице. Эштон подняла голову и теперь переводила растерянный взгляд с бабушки на маму, будто тоже требуя ответов. Дэшу даже стало легче: не только он здесь мучается неопределенностью.

– Может, мы ему расскажем... – неуверенно начала сестра.

– Мне не нравится твоя прическа, Эштон! – перебила мама со сталью в голосе. – Придется потратиться на парикмахера, раз у тебя настолько кривые руки.

Эштон сглотнула и замолчала, а мама обратилась к бабушке:

– Мама, тебе стоит следить за своими словами! Никаких споров и скандалов в своем доме я не потерплю!

Бабушка приложила руки к груди и замерла, растерянно моргая.

– Значит, решено! – Мама встала и начала складывать тарелки. – Дэш едет на все лето в лагерь скаутов. Эштон, я собираюсь готовить флан и хочу, чтобы ты мне помогла.

Бабушка и сестра сделали вид, что просьба матери их не удивляет. Дэш не знал, что делать, поэтому решил подыграть и тоже не удивляться. Он вообще не знал, как себя вести. У него возникло ощущение, что от него снова пытаются избавиться.

– А можно взять с собой Енота? – спросил Дэш. Он опасался, что с ним никто не будет гулять, потому что бабушка почти не выходила из дома, а Эштон дома почти никогда не было. Кто будет его кормить?

Мама поставила тарелки рядом с раковиной и произнесла:

– Насколько мне известно, к скаутам с животными не пускают. Эштон, твоя собака – тебе решать.

– Ее собака? – От возмущения Дэш чуть не задохнулся.

Непривычная Эштон растерянно распахнула глаза.

– Нет, нет, мама, это собака Дэша, но... я ведь тоже уеду на лето... – Она поперхнулась, схватила стакан с соком и жадно его осушила. Казалось, перспектива, ожидающая ее летом, пугала. – Бабушка? – многозначительно произнесла она.

– Посмотрю я за твоей собакой, не переживай, – оживилась Эйзел. – Под моим присмотром еще никто с голоду не умер.

Дэш сначала с облегчением выдохнул, но тут же напрягся: если Енот будет хулиганить, бабушка его запрет или оставит без еды. Играть она с ним точно не станет. Может, Енот от голода не помрет, а вот от скуки запросто. Эштон начала долго и нудно рассказывать, как испугалась, когда прищемила Еноту лапу дверью. Бабушка отмахнулась и сказала, что под ее присмотром никто еще лапы не прищемлял.

Она сложила посуду в посудомойку и ушла. Дэш долго пил сок, наблюдая за тем, как мама выставляет на стол продукты для флана, а Эштон делает вид, что ей помогает. Максимум что она могла сделать на кухне самостоятельно, так это налить себе стакан воды из-под крана.

Он вышел из кухни, но не ушел далеко, а остался в холле, пытаясь уложить сумбур в голове.

В эту минуту Дэшу особенно остро казалось, что он попал в ночной кошмар, бесконечный лабиринт ужаса, из которого нельзя выбраться, потому что это и есть жизнь.

Эйзел обмолвилась, что он может навредить матери. Дэш вспомнил слова врача, которая помогла маме после ранения: «Ты усложняешь жизнь своей семье»; вспомнил о том, что когда-то его хотели отдать на усыновление, и о том, что мама борется со злом и убивает чудовищ.

Запахло карамелью и корицей.

– Ты наполняешь, я покачиваю. Осторожно, не перелей... – раздался умиротворенный мелодичный голос матери. – Молоко выключи... Бери венчик. Перемешиваем молоко и яйца... Добавим сахара... Ох, если не получится, придется переделать смесь.

Настоящий секрет жизни: наполнить, осторожно перемешать, добавить сахара для вкуса, а если не получится с первого раза, то попытаться еще. Рецепт жизни от шеф-повара. Дэш ощутил себя совершенно чужим в этом мире, и чужеродность пахла корицей и карамелью. Его наполнили страхами, перемешали их в несусветной пропорции, а потом добавили изгнание. Получится ли переделать такую смесь?

Зачем тот мужчина на детской площадке напал на маму? В чем именно его отличие от сестры, матери и бабушки? Только ли в том, что он мальчик? Ну да, он мальчик, и что?

Эйзел дружила с соседкой, пожилой вдовой, они обе обожали разговоры о цветах, поэтому Дэш обычно их не слушал, но иногда они говорили так громко, что голоса долетали до его окна. Дэш наслушался о высоких ценах, хамоватых продавцах и обманах на распродажах. Частенько они обсуждали новости: ругали какого-то Брайана Малруни и хвалили Эллин Саргент, а порой обсуждали местные новости: кражи, грабежи, убийства, поджоги. Дэш пару раз сам почитал газеты и нашел несколько упоминаний о событиях, в которых мужчины вредили своим семьям: убивали братьев, жен и детей. Криминальные хроники пестрели заголовками вроде: «Грабители пустили в ход оружие», «Перестрелка в наркопритоне закончилась гибелью пятерых подростков», «Суд приговорил насильника к двадцати годам тюремного заключения». Можно ли назвать мужчин, которые повинны в этих преступлениях, чудовищами? И какое отношение это имеет к нему?

Он, как единственный мужчина в семье, должен защищать своих женщин. По крайней мере именно так сделал бы Бравый Капитан. Смущало Дэша только одно: его женщины как будто его боялись. Может быть, он похож на отца?

Дэш попытался поставить себя на место матери. Она уезжает в командировки, чтобы бороться с чудовищами, с теми, кто вредит другим. Но как быть, если такое чудовище живет в твоём доме и обедает с тобой за одним столом? Как быть, если известно, что, когда чудовище вырастет, оно будет нападать на людей?

Глава 7. Из глубин

*Я то, что я с собой сделал, а не то,
что со мной случилось.
Карл Густав Юнг*

Кузины Дэша преследовали нас с одной целью – убить меня, и мы с ним отчаянно оттягивали этот момент. Не хотелось кануть в вечность, уж простите за пафос. У Дэша был в таком опыт – он много раз оказывался на волосок от смерти и пренебрежительно фыркал, когда слышал, что в последний миг перед глазами проносится вся жизнь. Если и успеваешь о чем-то подумать, говорил он, то только что-нибудь типа «Мать вашу, и это все?!», а еще прочувствовать свой страх. Вот и сейчас, когда я думала о преследующих нас кузинах Дэша и своей скорой гибели, только это и крутилось в голове.

Октябрь 1999

Дом Селзников стоял на отшибе. Пришлось съехать на старую дорогу, километра два объезжать ямы, а потом еще и припарковаться в поле перед въездными воротами. Двухэтажный дом, сколоченный из темных досок, казался мрачным, а двор выглядел захламленным из-за огромных мешков, сваленных повсюду бесформенными кучами. Пузатые мешки валялись у въезда, у колодца, у крыльца и у сарая рядом с домом, лежали на земле, приминая нестриженую траву и перегораживая почти заросшие тропинки. У въезда стояла потрепанная темно-синяя Асуга Legend, вероятно, машина, принадлежащая Беке Селзник, потому что других машин не наблюдалось, и Дэш очень надеялся, что хозяйка сидит дома.

Он снял наушники, убрал их вместе с плеером в бардачок и наказал Кэпу сторожить машину. Потом медленно пошел через двор, рассчитывая, что Бека увидит его в окно и откроет дверь. За починкой водонагревателя можно невзначай расспросить про события девятилетней давности, если, конечно, Бека будет настроена на рассказ. Все-таки тогда она лишилась брата и отца, а на болтушку не походила.

Мешки, разбросанные по двору, оказались торфосмесью. Возможно, Бека закупает их для округа оптом и развозит по фермерам. Насколько Дэш помнил, торфосмеси намочить не рекомендуется. Он понадеялся, что фермеры не видят, как будущее их полей и огородов валяется на открытом воздухе и в любой момент может отсыреть под дождем, если пластиковый пакет развяжется или разорвется.

На стук в дверь никто не ответил, как и на приветственные крики. Дэш долго стоял на крыльце, надеясь, что старая дева Бека Селзник просто стесняется, но, похоже, ее и правда не оказалось дома. Обидно.

Неужели придется ехать завтра и терпеть мисс Хлою?

Дэш обдумал обстоятельства смерти отца Беки, то, что он слышал, и оглядел веранду. Селзника нашли рядом с домом, возможно, на этом самом месте. Он вполне мог умереть от инфаркта или инсульта, или еще чего-нибудь подобного, но почему тогда вокруг лежали мертвые птицы? Это могла быть выдумка или чья-то глупая шутка. Например, их подбросили дети, напугав старика до смерти. Все-таки пять километров от воды – серьезное испытание для твари. Что-то очень важное должно было заставить ее проделать такой путь. Надо выяснить у Беки – были птицы или нет. Если да, это вписалось бы в его предположение о заговоренной рыси, потому что пока выходка животного оставалась загадкой, на большое животное она тоже не очень походила. Но зачем твари сначала натравливать на него рысь, а потом спасать?

Дэш пошел через двор обратно к машине.

Кэп отчего-то волновался. Переступал лапами на сиденье, тянул нос из открытого окна машины, нервно нюхая воздух, и тихо повизгивал, словно в нетерпении. Когда Дэш подошел ближе, гавкнул, прося разрешения на охоту. Дэш насторожился: чудовища так далеко не заходят, но пес вел себя, будто напал на след.

– Искать! – Он открыл дверь, и Кэп молнией ринулся прочь. Дэш прихватил из багажника ружье, а еще плеер из бардачка на всякий случай, и пошел следом.

Пес пробежался по двору и уверенно свернул к сараю. Небольшое приземистое строение никогда не привлекло бы внимание, если бы не рвение Кэпа. Тот застыл перед дверью, от нетерпения перебирая лапами. Не лаял и не скулил, а будто ждал команды. Нашел цель.

– Назад! – скомандовал Дэш, и Кэп попятился.

Ни замка, ни цепи. Вряд ли хозяева хранили что-то ценное внутри. После толчка двери сарая распахнулись внутрь и явили темное нутро с запахом пыли и силоса. В дальнем углу маячили очертания чего-то громоздкого, прикрытого брезентом, вероятно, какого-нибудь трактора или комбайна, вдоль стен громоздились сломанные лопаты и старые доски.

Кэп оцетинился на брезент: встопорщил загривок, пригнулся к земле и зарычал. Дэш вскинул ружье.

– Эй! – на всякий случай крикнул Дэш в сарай, но никто не откликнулся.

Он зашел. Что могло стоять в сарае на ферме? Комбайн и мог. Только вот Кэп по-прежнему держал стойку, готовый броситься на защиту хозяина при любой угрозе.

Дэш ухватился за пыльный брезент и потянул. Тяжелые складки нехотя легли на пол, оголяя вовсе не комбайн... Перед Дэшем стояла клетка два на два с надежным толстым дном, такой же крышей и широкими металлическими прутьями. Между ними пролезала только ладонь, не более, а на двери висел внушительный амбарный замок, сейчас с ключом внутри, потому что клетка пустовала. На полу валялась лишь куча тряпья, на которое, видимо, и среагировал Кэп.

Ничего себе находка! Кого же Бека Селзник здесь держала? Учитывая, что Кэп глаз с клетки не спускал, нервно поводя носом, то, видимо, чудовищ из воды. Остался запах. И что Бека с ними делала? Запирала и мучила до смерти? Угрожала? Зачем? Или она ни при чем, а тварей ловили ее отец и брат? Поэтому тварь их убила? Это объяснило бы птиц. Выходит, в Сейнт Игнас знают о тварях из воды? И что думают? Возможно, здесь были и другие, не только девочка Ривердейл? От количества вопросов у Дэша взорвался мозг.

Он быстро вернул брезент на место, отозвал Кэпа и закрыл сарай. Дэш не был уверен, что хочет в это лезть, это его не касается. Он здесь, чтобы убить тварь, доказать Эштон, что сможет работать один и помочь матери.

Остаток дня Дэш просидел на своей веранде, рассматривая лес. Поисковый амулет молчал, а Кэп спокойно дремал рядом. Приехал чистильщик колодца, и все время, пока он копался, Дэш сидел за столиком с печатной машинкой и стучал по клавишам, набирая всякую чепуху. Он не сомневался, что шериф поинтересуется у чистильщика каждой деталью.

Ожерелье – подарок твари – он положил перед собой и периодически бросал на него взгляд. Она не просто его не убила, она его спасла. Что это, мать его, значит? Эти бессердечные твари думают только о том, как бы позабавиться. Почему эта другая? Может быть, из-за того, что попала в заварушку, ее семью убили, а ее, возможно, мучили. В таком случае она, наоборот, должна быть злее. Все же она выжила. Выжила, несмотря ни на что.

И привлекла внимание Охотника. Как теперь будет выкручиваться?

Думает задобрить его подарками? Или рассчитывает сбить с толку спасением жизни?

Едва чистильщик уехал, Дэш кликнул Кэпа и пошел в лес, – не мог усидеть на месте.

Бестолковый подарок ломал понятный и привычный образ, тварь из воды будто обрела для него характер, стала личностью. Ведь она каким-то образом смастерила подарок. Значит, у нее были мысли по этому поводу, цели, она озадачилась, чтобы найти ракушки и веревку.

Зачем? Чтобы задобрить его? Ракушками? Нелепость! Но ведь жизнь ему спасла. Он бы утонул. Зачем она это сделала? Тут должен быть скрытый мотив. И он есть, просто Дэш его не видит.

Если сейчас тварь захочет ему навредить, то наступило подходящее время. Он беззащитен и не спасется в паре сотен метров от воды – на ее территории. Дэш мысленно перебрал способы, которыми она его прикончит: заставит воткнуть ветку в глаз, достать из кармана нож и зарезаться, зайти в озеро и шагать, пока вода не сомкнется над головой, вернуться к машине и застрелиться...

Но никто не нападал. Кэп спокойно трусил рядом, потом свернул в лес по своим делам, и никто их не преследовал и не пугал. Чего она медлит?

Только тут Дэш осознал, что гуляет без ружья и плеера. Он никогда не позволял себе так расслабиться. Или она уже залезла к нему в голову? Неужели, несмотря на все меры предосторожности, ей удалось? Внушила забыть про ружье. Да она могла внушить ему что угодно: не убивать ее или себя, а убить, например, шерифа, как только та попадет на глаза, или поджечь все городские дома в следующий вторник. Дэш даже не сможет сопротивляться.

Никакая она не другая, ничем она от своих соплеменниц не отличается, просто затеяла игру, правил которой он еще не понял. Они хитрые жестокие бестии, из-за этих исчадий ада вся его жизнь полетела кувырком. Он приехал на озеро, чтобы убить чудовище, значит, убьет. Разгадывать ее мотивы – только зря ломать голову.

– Кэп, домой, – крикнул он в чашу и зашагал по густому подлеску.

Его одолела злость. Какого хрена он позволил себе колебаться? Несколько лет назад он принял решение стать Охотником, несмотря на сложности, и все это время следовал выбранному пути, так с чего сейчас в его голове снова бродят сомнения, от которых, как ему казалось, он избавился давным-давно?

– Кэп!

Пес так и не объявился, хотя раньше всегда прибегал на зов. Где его черти носят? Дэшу послышался лай, но, когда он остановился и прислушался, ничего не услышал. К тому же только сейчас понял, что шел обратно не в ту сторону, выругался, огляделся и пошагал куда нужно. Кэп не откликнулся, и Дэш начал волноваться.

На поляну перед домом он выбрался, когда уже стемнело. В небе поблескивали звезды, и кусочек озера, виднеющийся между домом и прибрежным лесом, отливал серебром. Кэп его не встретил, и у Дэша от поганого предчувствия сжалось сердце.

– Кэп! Ко мне! Где ты, мать твою?

Если эта тварь навредила его собаке... Он убьет ее без зазрения совести. В воображении замелькали сцены расправы, и Дэш рванул к машине, где на переднем сиденье лежал рюкзак с барахлом и поисковым амулетом. Быстро дошел до машины и открыл дверцу.

Под ногой хрустнуло стекло, и мелкое крошево посыпалось на траву. Окно выбито!

В доме мелькнул свет, будто кто-то подсвечивал себе фонариком.

Дэш пригнулся, спрятавшись за машиной, а потом осторожно высунулся. Свет в окне пропал. Дэш прокрался к багажнику и приоткрыл... Ружье исчезло! Дьявол!

Тварям оружие ни к чему, они сами оружие. Значит, не она. Неужели бродяга? Один из тех, о ком предупреждала шериф. И теперь у него ружье, а у Дэша только балисонг. Бродяга явно залетный – местные знают, что тут брать нечего. Кто бы там ни был, теперь он в курсе, что на лужайке кто-то есть.

В доме стояла тишина, фонарик больше не мелькал – захватчик затаился. Чего он ждал? Хотел бы сбежать, уже бы ломился в лес.

Свет луны заливал поляну и делал из любого торчащего на ней отличную мишень. Ближе всего было до крыльца. Дэш ломанулся туда, надеясь, что его не заметят и палить не будут. Тихо поднялся по ступенькам, прижался к стене и замер в раздумьях: переть на ружье – так себе затея, лучше зайти с тыла и попытаться отнять, а если вор причастен к исчезновению

собаки, то потребовать ответа. Хорошо бы все это проверить без стрельбы, очень не хотелось пережить еще один визит бдительного шерифа Пеннебейкер.

Пригибаясь под окнами, Дэш обошел дом и добрался до задней двери. Она выходила на веранду и лестницу, ведущую к причалу. Через сетчатую створку внутри коридора удалось разглядеть только еще более густые тени, никакого движения. С этой стороны дома света было больше: под луной блестело озеро и на противоположном берегу горели огни палаточного городка.

Дэш встал, не показываясь в двери, и аккуратно заглянул в коридор. Внутри по-прежнему стояла тишина. Может захватчики уже смылись? Им хватило бы времени, пока он обходил дом. Дэш еще раз взгляделся в темноту, осторожно взялся за ручку двери и повернул. Раздался скрип.

Выстрел!

Вспышка озарила коридор. На миг Дэш увидел человека, его косматую бороду и надвинутую на лоб шапку.

Дэша отбросило к лестнице на темные доски веранды. Жжение в плече разлилось по всему телу, но тут же угасло вместе с сознанием...

Дэш очнулся от ощущения, что по его телу кто-то шарит, обхлопывая карманы. В нос ударил застарелый запах пота и мочи, смешанный со сладковатым ароматом травки. Из его кармана потянули нож. Дэш схватил вора за руку, и тот резко отпрыгнул в сторону. Из-за движения у Дэша вспыхнула в плече боль, засверкало перед глазами и прояснилось сознание. Он обхватил рану, и по пальцам заструилась горячая кровь. Дьявол!

Стрелок застыл в паре шагов, направив на Дэша его же ружье. Залетный бродяга явно умел обращаться с двустволкой: один патрон он использовал, но остался второй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.